

Писаревский Н. Н. Полтора года в Берлине: (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 3. С. 508–528 (3-я пагин.). (Начало.)

Полтора года въ Берлинѣ.

(Замѣтки о религиозной и общественной жизни).

Я никогда серьезно не думалъ, что когда нибудь буду за границей. Въ предположеніяхъ о будущемъ, я говорилъ лишь, что не дурно бы туда понасть, чтобы познакомиться съ заграничной жизнью и ея порядками. Этимъ предположеніямъ пришлось осуществиться на дѣлѣ; 17-го Октября 1895-го года я оставилъ Россію и выѣхалъ на службу въ Берлинъ, весьма вѣроятно, продолжительную. Почти не замѣтно прошелъ для меня путь отъ Москвы до границы: на третій день я уже былъ въ чужой странѣ. Если ранѣе меня поражалъ беспорядокъ и сумятица, при краткихъ остановкахъ поѣзда, на русскихъ станціяхъ, то тѣмъ болѣе поразителенъ былъ переходъ къ удивительной тишинѣ нѣмецкихъ станцій. Все здѣсь дѣлалось какъ-бы по чьему-то незримому велѣнію, каждый зналъ свое дѣло и не бѣжалъ куда попало: выходило скоро и хорошо. Поѣздъ подходилъ и уходилъ безъ всякихъ звонковъ, безъ судорожныхъ подергиваній, какія обычны на нашихъ станціяхъ, и ѣзда почти 80 верстъ въ часъ не давала ни малѣйшаго повода пожаловаться на медлительность. Въ самомъ поѣздѣ чувствовалось что-то такое, что заставляло нѣсколько сосредоточиться и съ своего нумерованнаго мѣста со вниманіемъ прислушиваться и приглядываться, и только сильная усталость заставила меня уснуть къ утру часа на два, — на три. Проснулся я уже когда поѣздъ былъ въ окрестностяхъ Берлина, еще четверть часа и поѣздъ остановился на центральномъ городскомъ вокзалѣ (Friedrichstrasse Bahnhof). Выйдя изъ вагона, съ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка я очутился въ большомъ затрудненіи; но это продол-

жалось недолго. Благодаря любезности сослуживца О. Протоіерея А. П. Мальцева, мнѣ не пришлось пережить тѣхъ минутъ безпомощности, въ какія попадаетъ человѣкъ, при плохомъ званіи чуждаго языка. А. П. Мальцевъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ и съ нимъ я почувствовалъ себя совершенно легко. Онъ же панялъ мнѣ двѣ меблированныхъ комнаты до принсканія квартиры, и я началъ по немногу приглядываться къ нѣмецкимъ порядкамъ. Тутъ пришлось убѣдиться, что русская пословица — „что русскому здорово—то нѣмцу смерть“ —имѣеть и обратную сторону. Но человѣкъ привыкаетъ ко всему; и я, послѣ трехъ—четырехъ дней жизни въ Берлинѣ, сталъ привыкать къ нѣмецкому образу жизни. Всего труднѣе было обходиться безъ чаю, но, при маленькомъ усиліи, и это неудобство оказалось устранимымъ и мнѣ стали подавать кипяченую воду съ платой за каждый разъ по двадцать пфениговъ.

Что было дѣлать на первыхъ порахъ? Нѣмецкую рѣчь я не понималъ, идти къ русскимъ некуда: каждый изъ нихъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, да и разыскивать ихъ стоило большого труда. Между тѣмъ я не зналъ, какъ и куда убитъ время, тѣмъ болѣе, что тоска по родинѣ сказывалась очень сильно. Но тутъ меня выручилъ одинъ русскій докторъ—сосѣдь по квартирѣ П. А. Соломинъ. Онъ посовѣтывалъ мнѣ осматривать достопримѣчательности Берлина, далъ путеводитель по Берлину и даже весьма часто въ свободное время сопутствовалъ и руководилъ во всемъ. Прежде всего, городъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Сплошь и рядомъ попадаются чудныя зданія, удачно совмѣщающія колоссальность съ изяществомъ, въ чемъ сказывается несомнѣнный отпечатокъ высшей культуры. Магазины поражаютъ своей роскошью, улицы чистой и оживленностью, такъ что я былъ не мало удивленъ, какъ могъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ въ Россіи рекомендовать Берлинъ, какъ одинъ изъ самыхъ скучныхъ городовъ. Ознакомившись съ внѣшнимъ видомъ и положеніемъ города я рѣшился познакомиться и съ богатѣйшими Берлинскими музеями. И вотъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ службы въ русской посольской церкви, я отправился обозрѣвать три главныхъ королевскихъ музея: Старый музей (Altes Museum), Новый музей

(Neues Museum) и національную галлерею (National Galerie) ¹⁾. Думаю, что не лишнее будетъ сдѣлать краткій обзоръ этихъ музеевъ и исторіи ихъ возникновенія ²⁾.

Старый музей въ Лустгартенѣ основанъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III. Онъ построенъ въ выдержанномъ греческомъ стилѣ по плану Шинкеля въ 1824—1828 годахъ. Зданіе музея образуетъ прямоугольникъ, у котораго большія стѣны равняются 86, 7 метра, малыя—54 мет., при высотѣ 19, 2 метра. Со стороны Лустгартена ведетъ въ музей главная лѣстница въ 24, 5 метра ширины. Надъ ней помѣщена вызолоченная надпись: „Friedericus Guilgelmus III studio antiquitatis omnigenae et artium liberalium Museum constituit MDCCCXXXVIII“, т. е. „Фридрихъ Вильгельмъ III основалъ въ 1828 году музей для изученія всякаго рода древностей и свободныхъ художествъ“. Верхъ зданія украшаетъ группа діоскуровъ Кастора и Поллукса, сдѣланная по рисункамъ и моделямъ Тика; по угламъ находятся четыре генія на колѣнахъ; за ними двѣ новыя группы: муза Горы (Horen) поитъ пегаса и грации укрощаютъ его. На открытой лѣстницѣ стоятъ двѣ знаменитыя группы: на право—амазонка на лошади, борющаяся со львомъ; на лѣво всадникъ, убивающій льва. При входѣ стоятъ: налѣво — статуя Шинкеля, изваяніе Тика; направо—статуя Рауха—работы Драке; на концѣ крыльца стоятъ мраморныя бюсты Шадова (работа Гагена) и Винкельмана—(работа Вихмана). Фрески крыльца, поддерживаемаго 18-ю іоническими колоннами, исполнены акварелью Корнелиусомъ и его учениками, по рисункамъ Шин-

¹⁾ Нужно замѣтить, что я былъ чрезвычайно удивленъ, что музеи открыты въ воскресные дни для публики отъ 12 ч. утра до 6-ти вечера, и что при посѣщеніи не берется никакой платы и посѣтители не стѣсняются никакими проводниками и надсмотрщиками. Каждый свободно останавливается надъ тѣмъ, что ему нравится, что его всего болѣе интересуетъ. Если что окажется непонятнымъ для него, то онъ тутъ же можетъ получить точное и скорое объясненіе отъ лица заведующаго этимъ отдѣломъ. Признаемся, ничего подобнаго въ Россіи мы не встрѣчали. Дѣти до 10 лѣтъ въ музей не допускаются. Палки и зонты оставляются при входѣ. Шляпы при обзорѣ не снимаются и вообще посѣтитель—какъ въ себя дома.

²⁾ Историческія данныя взяты изъ „Führer durch das Alte und das Neue Museum“. Berlin. 1894. und „Katalog der Königlichen National-Galerie zu Berlin B. 1895.

келя. Налѣво въ верху изображено образованіе силъ міра отъ хаоса до свѣтлаго дня; направо—исторія развитія чело-вѣческой культуры и правовъ. Подъ этими изображеніями помѣщаются мѣологическія картины (28 картинъ): на правой сторонѣ—подвиги Геркулеса, на лѣвой—Тезей. Лѣст-пицы, ведущія въ верхній этажъ, на верху украшены колоссальной античной газой, а стѣны покрыты фресками работы Шульца, Эльстера, Эйха и др., причемъ, по эски-замъ Шинкеля, эти фрески обозначаютъ культурнаго чело-вѣка въ борьбѣ съ варварствомъ и яростію стихій. По сторонамъ дверей помѣщаются двѣ античныя гранитныя вазы изъ римскихъ купаленъ Діоклетіана. Отсюда можно начать осмотръ въ старомъ музеѣ съ „ротунды“ съ рѣдкими пер-гамскими статуями и группами: Юпитера, Викторіи, Фор-туны, Минервы, Полигимнія, Венеры и Амура, Фавна, отдыхающаго Аполлона. Юпоны и др. На стѣнахъ верхней галлерей, этого зданія повѣшены гобелены XVI-го вѣка. сдѣланные во Флоренціи по заказу паны Льва X по образ-цамъ Рафаэля. ¹⁾ Изъ „ротунды“ ведетъ входъ въ залъ героевъ, гдѣ направо помѣщены мраморныя и гипсовыя фигуры греческихъ и римскихъ боговъ, а налѣво бюсты и статуи римскихъ императоровъ. Слѣдующій залъ—„греческій“, изображающій жизнь грековъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, представленную частью въ стѣнной живописи, частью въ скульптурѣ. Изъ „греческаго“ зала можно перейти къ осмотру „зала хри-стіанской эпохи и собранія монетъ“. Въ первомъ стоитъ посмотриль Алтарь, Христось и Ангель, Воскресеніе Христово, Благовѣщеніе, вырѣзанные изъ дерева, и голову Христа—изъ римскихъ катакомбъ. Во второмъ, самомъ древнемъ изъ всѣхъ залъ музея, и любитель и археологъ— нумизматъ найдетъ для себя обильную пищу. Здѣсь собрано въ 50-ти шкафахъ болѣе 400,000 тысячъ монетъ: золо-тыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ и пр., всѣхъ странъ и народовъ, начиная съ самой древнѣйшей эпохи. Монеты расположены въ алфавитномъ порядкѣ странъ и

¹⁾ Эти гобелены представляютъ слѣдующіе сюжеты изъ Евангельской Исторіи. Смерть Ананія, Пасха овцы моя, Павелъ и Варнава въ Листръ, Пораженіе слѣпотой волхва Елимы, Обращеніе Савла, Проповѣдь Павла въ аеинскомъ ареопагѣ. Побѣденіе камнями Св. Стефана, Чудесный ловъ рыбы и Исцѣленіе расслабленнаго.

въ хронологическомъ по происхожденію. Любитель-нумизмать можетъ изучать здѣсь исторію приготовления монетъ болѣе чѣмъ за 400 лѣтъ до Р. Христова и до нашихъ дней, отъ эгинской шарообразной монеты, или отъ десятидрахмовой аеинской монеты—до монетъ нашего времени. Монеты особенно красивыя и интересныя всѣхъ временъ и странъ—болѣе чѣмъ 2000 штукъ—уложены для обзора на столахъ. Особенно замѣтны по красотѣ и совершенству стиля сиракузскія десятидрахмовыя монеты съ изображеніемъ прелестной женской головки. Очень замѣчательны также изъ римскихъ монетъ динарій Брута, съ изображеніемъ самого Брута, датой смерти цезаря и двумя кинжалами. Но описать всѣ монеты—трудъ, превосходящій наши силы, а потому можно ограничиться лишь этимъ краткимъ очеркомъ. Въ этомъ-же залѣ находится огромное собраніе античныхъ и драгоцѣнныхъ барельефныхъ камней, античныхъ и модныхъ орельефныхъ камней (перстней, медаліоновъ, печатей и пр.) и различныхъ мелкихъ издѣлій изъ металла, кости, стекла, между которыми попадаются столь интересные и замѣчательныя шедевры, что невольно залюбуешься ими и не можешь оторвать отъ нихъ свой взоръ.

По галлерей, полной множествомъ различныхъ фигуръ, бюстовъ и группъ, можно перейти въ верхній этажъ стараго музея, гдѣ собрано весьма много старинныхъ картинъ. Если это собраніе картинъ древнихъ мастеровъ и стоитъ въ общемъ ниже такихъ-же собраній въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ, то оно всеже превосходитъ послѣднія въ историческомъ отношеніи, потому что здѣсь имѣется огромное число произведеній изъ древнѣйшихъ періодовъ. Всѣ картины размѣщены здѣсь по школамъ и раздѣлены на три группы: а) итальянскую, испанскую и французскую XV вѣка, б) нидерландскую, фламандскую и нѣмецкую и в) венеціанскую школу, древнихъ христіанскихъ и другихъ жанровъ. Всѣхъ картинъ, размѣщенныхъ въ 22-хъ залахъ, болѣе 1600. Между ними встрѣчаются произведенія: Рафаэля „Die Madonna del Duca di Terranova“, Мурильо „Der heilige Antonius“, Рембрандта „Die Andromeda“, Рубенса „Das Bacchanal“, ванъ-Лейдена „Die Madonnenbild“, Дюпера „Drei Bildnisse und die Madonna mit dem zeisig“, Физоле „Das jüngste Gericht“, Кривелли „Die Madonna mit

Heiligen“, Пиомбо „Die jünge Römerin“, Веласкеда „Das Frauenbildniß“ и мн. др. Вообще здѣсь собраны произведенія живописи (на доскахъ, на полотнѣ, миниатюры) отъ второй половины среднихъ вѣковъ и до конца 18-го столѣтія.

Изъ стараго музея—чрезъ соединительную галлерей—переходятъ въ Новый музей—великолѣнное зданіе, построенное первоначально по плану короля Фридриха Вильгельма IV-го въ смѣшанно-античномъ стилѣ подъ руководствомъ Штюлера и Ольферса въ 1843—1855 гг., а позднѣе передѣланное и усовершенствованное корифеями зодчества, ваянія и живописи. Это зданіе имѣетъ 106 метровъ длины, 40 ширины и $23\frac{1}{2}$ вышины; въ срединѣ его идетъ великолѣпная лѣстница ($31\frac{1}{2}$ мет.); надъ концами фасада зданія возвышаются два грандіозныхъ купола; снаружи зданіе окружено колоннами, между которыми помѣщены бюсты художниковъ и писателей. Вся обстановка музея соотвѣтствуетъ характеру находящихся въ немъ коллекцій; повсюду великолѣпіе и вкусъ, что вмѣстѣ съ живописью и другими предметами искусства производитъ чудное впечатлѣніе на посѣтителя и заставляеть его невольно восторгаться и благоговѣть предъ той массой средствъ, знаній и труда, какія потрачены для того, чтобы освѣтить для интересующихся прошлое человѣчества.

Средній этажъ, куда ведетъ галлерей изъ стараго музея, содержитъ въ себѣ гипсовые отлитки античныхъ и новыхъ скульптуръ. Описать всѣ эти фигуры нѣтъ возможности. Достаточно сказать, что, кромѣ оригиналовъ, нѣтъ ни одного замѣчательнаго произведенія древняго и новаго искусства, съ котораго не было-бы сдѣлано точной гипсовой копіи.

Верхній этажъ содержитъ въ себѣ историческое собраніе античныхъ произведеній изъ металла, глины, кости, кабинетъ гравюръ и особенно рѣдкихъ инкунабулъ. Но что особенно цѣнно въ этомъ этажѣ и что составляетъ одну изъ величайшихъ рѣдкостей Берлина — это „терракотовыя фигуры изъ Танагры“. Здѣсь находятся нѣсколько оригиналовъ, которые выставлены для публики. Эти прелестныя древности едва-ли не самыя восхитительныя произведенія по части скульптуры.

Вотъ предъ нами женщины гречанки съ острыми, почти

японскими шляпами на головахъ и сердцевидными вѣерами въ рукахъ, шествующія важнымъ, горделивымъ шагомъ. Поза великолѣпна, полна достоинства и совершенно свободна. Особенно поражаетъ необыкновенно живое выраженіе лицъ; это чистые портреты, не смотря на миниатюрность размѣровъ.

Еще интереснѣе дѣти. Дѣтское выраженіе лицъ схвачено такъ удачно, что фотографія съ трудомъ можетъ поспорить съ этими статуэтками. Не мало здѣсь крылатыхъ эротовъ, по всей вѣроятности, новогоднихъ подарковъ, несущихъ то мячъ, то табличку, то пару башмаковъ, то полный мѣшокъ, то маленькую дѣвочку. Затѣмъ слѣдуютъ, собственно, реальные изображенія изъ жизни: учитель наказывающій ученика, погонщикъ, который гонитъ осла съ мѣхомъ вина, цирюльникъ, пекарь, занятые своимъ дѣломъ и т. д.—все это въ миниатюрѣ, но въ высшей степени отчетливо и ясно. Но въ Берлинѣ мало понимаютъ красоту этихъ шедевровъ, и въ этомъ случаѣ совершенно правъ скульпторъ Зимерлингъ, очень удачно замѣтившій, что „такія сокровища“, какъ эти статуетки, „и созданы только для немногихъ избранниковъ“.

Не меньшій интересъ представляютъ здѣсь также бронзовые издѣлія древности, работы по золоту, серебру и камню, собраніе разрисованныхъ и простыхъ вазъ и прочихъ сосудовъ, мозаики и обломковъ стѣнной живописи древности. Всѣ эти предметы, особенно рисунки на вазахъ, могутъ служить живымъ пособіемъ при изученіи культурнаго развитія народовъ, о которыхъ мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія. Налѣво отсюда особый кабинетъ занятъ матеріалами по исторіи гравированія на мѣди и деревѣ и печатанія отъ XV-го до XVIII-го столѣтія и рисунками древнѣйшихъ мастеровъ всѣхъ народностей и школъ. Это своего рода драгоценность, какую трудно встрѣтить гдѣ-либо еще. Здѣсь собрано все, что только появилось замѣчательнаго съ XV-го столѣтія, не забыть ни одинъ трудившійся въ этой области, причемъ подъ каждымъ произведеніемъ стоитъ точная дата—лица, мѣста и времени исполненія известной работы.

Сходя по лѣстницѣ изъ верхняго этажа въ нижній, нельзя не замѣтить шесть стѣнныхъ картинъ Каульбаха, представ-

ляющихъ дѣлюю исторію развитія міра и человѣческаго рода ¹⁾).

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается замѣчательнѣйшее въ Европѣ собраніе египетскихъ древностей и древностей ассирийскихъ, вавилонскихъ и малоазіатскихъ. Основаніе этому собранію положилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, пріобрѣтшій, путемъ покупки, у разныхъ частныхъ лицъ огромныя каменные гробницы, деревянныя гробы, муміи и могильные камни древности. Фридрихъ-Вильгельмъ IV снарядилъ въ Египетъ и Ефіопію (1842—1845) научную экспедицію подъ руководствомъ Рихарда Лепсіуса, которая привезла весьма богатую добычу. Въмѣстѣ съ памятниками позднѣйшаго времени, полными историческаго интереса, эта экспедиція вывезла въ особенности неоцѣнимые памятники древности изъ самаго раннѣйшаго періода египетской и вавилонской исторіи, каковыхъ нѣтъ ни въ одномъ музеѣ Европы. Съ теченіемъ времени сюда поступали новыя пріобрѣтенія, получаемыя отъ разныхъ лицъ. Древность этихъ памятниковъ собранія простирается по точнымъ даннымъ за 2800 лѣтъ до Р. Христова и даже за три тысячи лѣтъ; всѣ они расположены въ хронологическомъ порядкѣ царствовавшихъ египетскихъ династій и вавилонскихъ царей. Между многочисленными памятниками письма этихъ народовъ попадаются и такіе, которые отмѣчены какъ написанныя на такомъ языкѣ, о которомъ ученымъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Картинная галлерей въ Лустгартенѣ построена въ 1867—1876 гг. изъ небрайскаго песчаника въ коринтскомъ храмовомъ стилѣ. Трехъэтажное зданіе галлерей (63 м. длины и 32 ширины) украшено группами, статуями и барельефами снаружи и колоннами изъ чернаго и краснаго мрамора съ

¹⁾ Краткое содержаніе этихъ картинъ: Вавилонское столпотвореніе, изображающее раздѣленіе на племена, начало всей исторіи. Еллинскій миръ, какъ плодъ зрѣлаго развитія религіозной культуры, цвѣтущая эпоха Греціи; Гомеръ и всѣ греческіе поэты и художники (1-я картина). Символично-историческое изображеніе побѣды римскаго владычества надъ культурою Моисея. Разрушеніе Іерусалима (2-я карт.). Борьба христіанства съ язычествомъ и преобладаніе христіанства во всемъ мірѣ. Атілла, вызывающій жизнь къ новому развитію (3-я карт.). Крестовыя походы и символическое изображеніе торжества и всеобщности христіанства (4-я карт.). Дальнѣйшее религіозное развитіе. Реформація и ея представители (5-я карт.). Наука и ея представители (6-я карт.).

бронзовыми инкрустациями внутри. Прекрасные потолки и паркеты довершают внутреннее украшение этого роскошного художественного здания, имѣющаго болѣе 50-ти залъ. Всѣ произведенія искусства раздѣлены здѣсь на три отдѣла: а) картины, б) картоны и раскрашенные рисунки и в) ваяніе. Галлерей составилась изъ пожертвованія консула Вагенера (I. H. W. Wagener)—256 картинъ,—другихъ лицъ и чрезъ пріобрѣтеніе на средства государства. Все собраніе состоитъ изъ тысячи слишкомъ картинъ—произведеній новѣйшаго нѣмецкаго искусства. Сюда же перенесена и коллекція отборныхъ произведеній живописи французской, итальянской и нѣмецкой школъ первой половины 19-го столѣтія графовъ Ракчинскихъ. Здѣсь любители живописи найдутъ работы всѣхъ выдающихся художниковъ 19-го вѣка. Въ числѣ картинъ заслуживаютъ вниманія работы Корнелиуса, Овербека и ландшафты изъ Одиссеи Преллера. — Изъ скульптуры слѣдуетъ отмѣтить: „Меркурій и Психея“ Бегаса, „Гостепрѣимство“ Блезера, „Вакханка“ Эхтермейера. „Рафаэль“ Генеля, „Отдыхающая дѣвушка“ Шадова, „Агарь и Измаиль“ Виттинга, „Юдиоб“ Э. Вольфа и мн. др.

Направляясь для осмотра другихъ музеевъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о „Королевской публичной Библиотекѣ“ и „Христіанскомъ музеѣ“. Основаніе берлинской библиотекѣ положено въ 1659 году и въ настоящее время она занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ положеній среди большихъ книгохранилищъ. Она насчитываетъ до милліона томовъ сочиненій и болѣе двадцати пяти тысячъ рукописей, не говоря уже объ очень большомъ собраніи картъ и нотъ. Въ отдѣлѣ рукописей не мало рукописей славянскихъ, которыя, по словамъ проф. СПБ. университета П. А. Сырку, очень важны. Хотя нѣмцы и не знаютъ, что это за рукописи. Приходится пожалѣть въ интересахъ науки, что почтенный профессоръ отказался отъ предложенія описать эти рукописи. Къ числу достопримѣчательностей библиотекы принадлежитъ часть лютеровскаго перевода Библии и его 95 знаменитыхъ тезисовъ, а также первая Библия, напечатанная въ типографіи Гуттенберга и пр.

Христіанскій музей находится при университетѣ и содержитъ въ себѣ, какъ коллекціи по христіанской археологіи, такъ и христіанскіе надписи и памятники искусства отъ

начала христіанства и до нашихъ дней. Особенно полна здѣсь коллекція всего относящагося до исторіи реформациі, а также богатая богословско-историческая библіотека.

Послѣ обозрѣнія этихъ музеевъ для каждаго посѣтителя Берлина вполне необходимо познакомиться еще съ двумя музеями: „Этнографическимъ“ (Museum für Völkerkunde) и „Естественныхъ наукъ“ (Museum für Naturkunde). Первый музей—прекрасное четырехъ-этажное зданіе — построень въ 1880—1886 гг. ¹⁾, въ италіанскомъ стилѣ ранней эпохи возрожденія и имѣеть форму неправильнаго четырехъугольника. Въ этомъ музеѣ хранятся богатые коллекціи по антропологіи, этнологіи и этнографіи, наглядно представляющія развитіе человѣческой культуры у самыхъ различныхъ человѣческихъ расъ. Весь матеріаль расположенъ въ географическомъ и хронологическомъ порядкѣ, что даетъ полную возможность наглядно прослѣдить развитіе культуры любого народа, по выставленнымъ различнымъ принадлежностямъ домашней утвари, войны, охоты, рыболовства, земледѣлія и ремесль, а также одежды, погребальныхъ принадлежностей, предметовъ украшенія и пр. Открытая здѣсь въ послѣднее время богатая антропологическая коллекція служитъ прекраснымъ пособіемъ при изученіи физическаго строенія различныхъ расъ. Обозрѣватель музея (какъ и всѣхъ прочихъ) не нуждается въ указателѣ. Подъ каждымъ предметомъ находится точная дата объ его происхожденіи, исключая лишь нѣкоторыхъ немногихъ предметовъ—доисторическихъ древностей изъ Троянскихъ раскопокъ Шлиманна. Своимъ богатствомъ собранія этотъ музей весьма много обязанъ трудамъ одного изъ популярнѣйшихъ ученыхъ — знаменитаго Адольфа Бастіана. Онъ и теперь путешествуетъ для изслѣдованія правовъ и языка наиболѣе отсталыхъ племенъ. Сколько пужно любви къ своей наукѣ и идеальнаго служенія истинѣ, чтобы въ 70 лѣтъ подвергаться утомленію и случайностямъ такого путешествія! И гдѣ, въ какихъ отдаленныхъ отъ всякой цивилизаціи странахъ, Бастіанъ не провелъ цѣлые годы своей жизни, начиная съ перваго путешествія по Австраліи, когда онъ былъ еще молодымъ судовымъ врачомъ, и кончая нынѣшнимъ — по восточной

¹⁾ Führer durch das Museum für Völkerkunde. S. 1—192. Berlin. 1895.

Азии? Горы всевозможныхъ предметовъ домашняго быта и къ характеристикѣ общественной жизни народовъ изъ четырехъ странъ свѣта, собранныя Бастианомъ, заставятъ каждого съ удивленіемъ и благодарностью вспомнить Бастиана, который такъ много сдѣлалъ въ области изученія первобытной культуры и сравнительной психологій народовъ.

Не меньшій интересъ представляетъ музей „Естественныхъ наукъ“, который, по изяществу постройки и цѣлесообразности расположенія, можетъ служить образцомъ для естественно-историческихъ музеевъ. Зритель можетъ изучать здѣсь практически всю исторію естествознанія отъ животныхъ и до человѣка вообще. Онъ можетъ начать съ обозрѣнія рептилій и рыбъ, насѣкомыхъ и ракообразныхъ, низшихъ животныхъ, птицъ и закончить обозрѣніемъ млекопитающихъ. Нужно сказать, что онъ не найдетъ здѣсь ни малѣйшаго пропуса, или неполноты. Всѣ коллекціи собраны съ такой тщательностью, что въ нихъ не ускользнулъ ни одинъ экземпляръ.—Не менѣе интереса представится здѣсь и при обозрѣніи минераловъ, расположенныхъ въ порядкѣ времени по происхожденію и въ алфавитномъ по названію. Тщательность, съ какою составлена коллекція, положительно изумительна, а способъ ея расположенія можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для ознакомленія съ царствомъ минераловъ ¹⁾.

Осмотръ всѣхъ музеевъ въ Берлинѣ занялъ у меня не менѣе трехъ мѣсяцевъ времени; но я объ этомъ ничуть не жалѣлъ. Кромѣ уже практическаго изученія языка, при помощи навыка въ нѣмецкомъ разговорѣ, здѣсь была такая

¹⁾ Изъ множества другихъ музеевъ можно указать еще слѣдующіе: Архитектурный музей,—заключающій въ себѣ массу плановъ и чертежей; Гогенцоллернскій музей, богатый по коллекціи изъ исторіи Прусско-Бранденбургскаго и Гогенцоллернскаго дома; Марскій музей—хранилище всякаго рода древностей, касающихся культурно-историческаго развитія провинціи Бранденбургъ, Музей германскихъ національныхъ костюмовъ, Музей экспериментальной Психологій, Почтовый музей, Музей старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ, Анатомическій музей, Зоологическій и ботаническій музеи, Музей художественной промышленности, Музей сельско-хозяйственный, Музей Горной Академіи и мн. др. Не безъ интереса можно побывать въ Берлинскомъ Акваріумѣ, гдѣ находятся, какъ представители всевозможныхъ породъ рыбъ и низшихъ морскихъ животныхъ такъ и весьма много земноводныхъ и пресмыкающихся.

живая пища для ума и чувства, которая заставляла не обращать вниманія на трату времени. Постепенно освоиваясь съ нѣмецкой рѣчью, я началъ приглядываться къ жизни нѣмецкаго народа. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза,—это былъ нѣмецкій „Busstag“ (день покаянія—6-го поября стар. ст.). Съ интересомъ посѣтилъ я нѣсколько нѣмецкихъ церквей утромъ, въ полдень и вечеромъ. Впечатлѣніе было благоприятное. Можно было видѣть и здѣсь сознаніе человекомъ своего несовершенства, желаніе облегчить себя, хоть однажды, взоромъ къ Тому, Кто одинъ безъ грѣха. Люди сосредоточенно входили въ церковь, сажались на извѣстное мѣсто, раскрывали молитвенникъ и, въ большинствѣ, съ глубокимъ волненіемъ подъ звукъ органа пѣли покаянныя пѣснопѣнія. Здѣсь не было мѣста празднему любопытству, съ какимъ пришелъ я въ этотъ день. Глубоко назидательныя, прочувствованныя, построенныя на основаніи Св. Писанія рѣчи пасторовъ производили глубокое впечатлѣніе на слушателей, и мнѣ удалось замѣтить у многихъ слезы не только у женщинъ, но и у мужчинъ. Блестящія по стилю, глубоко назидательныя въ раскрытіи христіанскихъ истинъ—по содержанію, согрѣтыя теплымъ и сердечнымъ призывомъ и чувствомъ о необходимости обратиться къ милосердому Творцу всѣхъ, принимающему кающагося какъ сына—рѣчи эти произвели на меня и очень сильное, и очень глубокое впечатлѣніе. Изыщная простота, не смотря на всю неуклюжесть нѣмецкаго языка, содержательность, умѣнье во время сказать то, что нужно, заинтересовать даже холоднаго къ вѣрѣ человека—дѣлаютъ протестантскихъ пасторовъ прекрасными ораторами—проповѣдниками. Впрочемъ, это и не удивительно. Въ Берлинѣ не терпятъ среди пасторовъ посредственности, и для того, чтобы попасть сюда,—въ эту Москву для пасторовъ,—нужно быть или незаурядной личностью, или же пройги суровый искусъ—очень и очень строгихъ испытаній—для полученія должности даже второго пастора. Не удивительно также, чтоискателей этой должности довольно много. Къ этому поощряетъ и почетное положеніе пастора и матеріальное вознагражденіе. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ русскому даже очень заслуженному священнику далеко до пастора. Прежде всего, пасторъ, кромѣ

консисторіальнаго совѣта изъ пасторовъ-же, ни отъ кою не зависитъ и совершенно свободенъ въ своей дѣятельности. Онъ не несетъ никакихъ обязанностей въ смыслѣ государственнаго дѣлопроизводства и никому не обязанъ, кромѣ того-же совѣта и суперинтендента, давать отчеты въ дѣлахъ духовныхъ. Никто изъ свѣтской власти не можетъ предписать ему программу для его дѣятельности; напротивъ, онъ самъ, какъ первый попечитель о нуждахъ своего прихода, указываетъ большыя стороны жизни, съ которыми приходится считаться правительству, организуетъ приходскія попечительства, печется о нуждахъ прихода и постоянно стоитъ съ нимъ въ тѣсной и прочной связи. Пастору не приходится заботиться о своихъ матеріальныхъ средствахъ: онъ обезпеченъ хорошо жалованьемъ и доходами. Одинъ изъ пасторовъ, съ которымъ мнѣ пришлось говорить по этому поводу, сказалъ мнѣ, правда съ большимъ неудовольствіемъ, что средняя цифра содержанія вмѣстѣ съ доходомъ для пастора въ Берлинѣ 12 тысячъ марокъ въ годъ, а высшая, какъ напр., у А. Штекера, 100 тысячъ марокъ въ годъ. Изъ другихъ пасторовъ—отъ знакомыхъ нѣмцевъ я слышалъ по этому же поводу, что ни одинъ пасторъ въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, не получаетъ менѣе 12 тысячъ марокъ въ годъ ¹⁾. Цифра внушительная, о которой нашему духовенству невозможно даже и мечтать.

Интересъ къ религіозной жизни Берлина побудилъ меня нѣсколько ближе познакомиться съ протестантствомъ и религіознымъ настроеніемъ общества вообще. Съ этой цѣлью я старался, при всякой возможности, посѣщать протестантскія церкви и религіозныя собранія и наблюдать все, что здѣсь совершается. Но на первыхъ-же порахъ я натолкнулся на препятствіе, которое меня нѣсколько смутило. Дѣло въ томъ, что формально всѣ протестантскія исповѣданія слились въ одно и усвоили себѣ общее названіе „евангелической церкви“, а на дѣлѣ они существуютъ совершенно такъ же, какъ и ранѣе. Даже болѣе: число членовъ протестантства

¹⁾ Нужно сказать, что такое содержаніе приходится на долю перваго пастора (провѣдника) при церкви; второй пасторъ получаетъ отъ 3—6 тысячъ марокъ, а третій отъ 2—3 тысячъ марокъ.

все растетъ и растетъ, такъ-что часто совершенно не знаешь въ какой сектѣ присутствуешь. Такихъ отдѣлившихся отъ господствующей церкви страны религіозныхъ сектъ въ Берлинѣ очень много. Кромѣ четырехъ основныхъ дѣлений протестантства на лютеранъ, реформатовъ, евангеликовъ и баптистовъ, здѣсь можно насчитать до пятидесяти другихъ болѣе мелкихъ сектъ, при полной невозможности описать всѣ существенныя разности въ ихъ ученіи. Если еще между четырьмя главными дѣлениями протестантства можно различить, чѣмъ они въ сущности отличаются другъ отъ друга, то о прочихъ сектахъ можно сказать, что онѣ кладутъ въ свою основу самыя разнообразныя сужденія и представляютъ изъ себя произвольное пониманіе всего Св. Писанія.

Я пріѣхалъ въ Берлинъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ относительно религіи на Западѣ вообще. Мнѣ такъ много приходилось слышать и читать въ Россіи объ упадкѣ религіи на Западѣ, что тамъ на смѣну религіи выступила положительная наука съ ея точными данными, что нѣмцы будто-бы давно сдали религію со всѣми ея проявленіями въ архивъ и, благодаря своей развитости и политической зрѣлости, преклоняются только предъ кумирами положительной науки. Но однако-же, при болѣе близкомъ знакомствѣ, это предубѣжденіе пришлось оставить и согласиться, что едвали религія имѣетъ гдѣ-либо столько интенсивной жизненности, какъ здѣсь, что здѣсь ея высшія проявленія очень оцурительны, и положительная наука нигдѣ не имѣетъ меньшихъ притязаній на вытѣсненіе и замѣщеніе религіи, какъ въ жизни нѣмецкаго народа. Жизнь здѣсь служитъ яснымъ подтвержденіемъ той истины, что религія есть существоющее, вѣчное требованіе духа, что свобода лишь укрѣпляетъ ее, а культура лишь возвышаетъ. Этими я не хочу сказать, конечно, что религія здѣсь имѣетъ самое высшее и правильное выраженіе; нѣтъ, она часто зѣсь, и особенно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ для свободы нѣтъ ограниченія въ истинномъ образованіи, переходитъ въ распущенность; я хочу лишь отмѣтить фактъ живучести религіи и фактъ, что степень религіозности на западѣ почти пропорціональна степени образованности. Образованные классы общества не чуждаются религіи; невѣрующей—здѣсь болѣе продуктъ низшаго слоя, для котораго

уже неприятно одно то, что, благодаря религiи, правительство приказало строго соблюдать воскресный покой ¹⁾. И если обычный, будничныи нѣмецкiй образъ жизни содержитъ въ себѣ практическiй, бездушный, всецѣло связанныи съ борьбой за существованiе характеръ, такъ-что почти невозможно предположить, чтобы въ немъ были возвышенныя, идеальныя начала, если практическiй материализмъ занимаетъ здѣсь всецѣло человѣческое сердце и умъ единственно материальными интересами жизни; то все-же достаточно внимательно присмотрѣться къ этой жизни въ воскресные дни, чтобы совершенно измѣнить предвзятое мнѣнiе. Тутъ все представляется въ иномъ образѣ и будничныи кумиръ низвергается совершенно, уступая мѣсто религiозно-нравственному настроенiю, которое всецѣло завладѣваетъ мыслью и желанiями народа. Даже внѣшнiй видъ города представляетъ поразительную перемѣну. Не замѣчаешь той жизненной суеты, того безконечнаго ряда повозокъ, наполняющихъ улицы, не видишь торопливой толпы народа, снующаго по тротуарамъ, *Sontagsruhe* (воскресный покой) представляетъ царство полной, торжественной тишины. Въ извѣстное время улицы также полны народа, но имъ владѣетъ уже совсѣмъ иная стимуль и народъ представляетъ совсѣмъ иную картину, чѣмъ въ буднiй день. По имѣющимся въ рукахъ молитвенникамъ, можно видѣть, что весь этотъ народъ, отъ преклоннаго старика до юноши включительно, идетъ или въ церковь, или изъ церкви. Если кто-либо скажетъ на это, что такое механическое благочестiе, скучное провозженiе воскреснаго дня способно оттолкнуть отъ такого рода религiи, то мнѣ это явленiе представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ, въ видѣ крѣпкихъ основъ религiи и нравственности, какъ чудная и цѣлесообразная нравственная дисциплина. Въ силу этого, въ воскресный день здѣсь не увидишь пьянства и разгула, какiе весьма обычны у насъ. Воскресное богослуженiе въ про-

1) Въ настоящее время купцы и фабриканты собираютъ подписи для петицiи въ Рейхстагъ объ отиѣнiи воскреснаго покоя. Главной причиной они выставляютъ, что правительство совершило этимъ актъ насилия надъ свободой личности. Но сторонниковъ этой петицiи почти нѣтъ, ибо всѣ хорошо понимаютъ, что тутъ цѣло идетъ о собственной корысти и выгодѣ— и ни о чемъ болѣе.

тестантскихъ церквахъ обычно бываетъ два раза въ день: въ 10-ть часовъ утра и въ 6-ть часовъ вечера; приче́мъ въ церквахъ отъ 3 до 5-ти часовъ обыкновенно бываютъ еще занятія съ дѣтьми и взрослыми, т. е. воскресная школа. Богослуженіе посѣщается очень усердно, если не приде́шь въ церковь за полчаса ранѣе, то уже не найдешь мѣста. Служба начинается звуками органа подѣ общее пѣніе псалмовъ и молитвъ, затѣмъ идетъ чтеніе изъ св. Писанія (изъ Апостола или изъ Ветхаго Заветъа и Евангелія), послѣ этого проповѣдь и новое пѣніе подѣ звуки органа, молитва Господня, преподаніе мира всѣмъ, осѣпленіе знаменіемъ креста рукою пастора и пѣніе заключительныхъ молитвъ. Вечернее богослуженіе часто бываетъ даже лучше, чѣмъ дневное: оно сопровождается лучшей музыкой и проповѣдью и приносить человѣку высокое эстетическое наслажденіе. Но богослуженіе не ограничивается церквами: оно бываетъ также въ многочисленныхъ религіозныхъ собраніяхъ Берлина, гдѣ оно носитъ или своеобразный отпечатокъ, какъ въ „Brüdergemeinde“, „Apostolischen Gemeinde“, въ которомъ по образцу 12-ти апостоловъ І. Христа, учреждены также 12-ть апостоловъ, носящихъ очень оригинальную бѣлую одежду, „Christus Gemeinde“, „Jesus Gemeinde“, или принимаетъ характеръ свободныхъ разсужденій о религіи, какъ въ „Versammlungslokal der Freireligiösen Gemeinde“ и т. д. Внутренній видъ протестантской церкви далеко не такъ благолѣпенъ, какъ православнаго храма. Голыя стѣны, изрѣдка украшенныя двумя—тремя евангельскими текстами, каѳедра для проповѣдника, нѣсколько возвышенная алтарная абсида безъ всякаго икопостаса лишь съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и ангеловъ, и небольшой столикъ. Насколько проста внутренность церкви, настолько-же проста и костюмъ пастора: черная маптія, похожая на нашу ряску—лишь безъ широкихъ рукавовъ—со складками на переди, бѣлый воротничекъ и четырехъ-угольная, низкая, черная шапочка, т. е. точно такой-же костюмъ, какой у нѣмецкихъ юристовъ, судей и адвокатовъ, при исполненіи ими судебныхъ обязанностей ¹⁾.

1) Стоитъ также, мимоходомъ, упомянуть здѣсь о реформированной еврейской синагогѣ т. е. усвоившей себѣ вѣнскую богослужебную форму

Если отношеніе народа къ своимъ праздникамъ можетъ служить мѣриломъ его религіознаго и нравственнаго развитія, то въ этомъ случаѣ праздникъ Рождества Христова въ Берлинѣ для наблюдателя религіозной жизни даетъ самый лучшій моментъ, чтобы подмѣтить характерныя черты религіозности. Столица Германіи представляетъ въ этомъ отношеніи очень поучительныя черты. Если въ будничное время Берлинъ простая машина, въ которой свободные граждане лишь какъ части ея съ утра до вечера исполняютъ свою работу, то за нѣсколько дней до Р. Христова уже можно было замѣчать, что машина стала понемногу разстраиваться. Люди стали по праздничному расхаживать, высматривая, что купить для праздника; на улицахъ и у церквей зазеленѣли елки; появились праздничныя объявленія о проповѣдяхъ; дѣтская литература увеличилась рассказами о рождествѣ Спасителя, проникнутыми религіознымъ духомъ. Вечеръ предъ Рождествомъ представляетъ въ семьѣ трогательную картину тихихъ семейныхъ радостей. Предъ вѣчнозеленою елкой—непремѣнно въ каждомъ домѣ,—какъ предъ символомъ возрожденія и вѣчной жизни, переживаются самыя лучшія минуты взаимной, чисто христіанской радости. Наступленіе праздника привѣтствуется богослуженіемъ, на которое сходится такая масса народа, что трудно найти мѣсто; церкви убираются елками и цвѣтами; рождественская проповѣдь обыкновенно звучитъ особой торжественностью и теплотой, заставляя всѣхъ чувствовать себя ничтожными и слабыми предъ родившимся царемъ Славы. Какъ намъ

протестантства. Это чудное зданіе въ мавританско-византійскомъ стилѣ построено Штюлеромъ, по плану Клоблеха. Оно стоило болѣе 3-хъ миліоновъ марокъ и занимаетъ фронтъ 28 метровъ длины и почти 97 метр. въ глубину. Три бронзовыя двери ведутъ въ роскошно украшенный храмъ, принособленный на три тысячи посѣтителей. Внутри храмъ раздѣленъ двумя рядами колоннъ на три нефа, предъ которыми возвышается на мраморномъ катафалкѣ кивотъ со скрижалями завета. Мѣста для муницъ внизу; мѣста для женщинъ на хорахъ; посѣтители во время богослуженія не должны снимать шляпъ. Все богослуженіе состоитъ изъ псалмовъ, распѣваемыхъ речитативомъ канторомъ, повторенія ихъ хоромъ и двухъ небольшихъ рѣчей раввина, догматическаго содержанія и нравственнаго. Но не это, повидимому, привлекаетъ сюда огромную толпу посѣтителей, а скорѣе чудный хоръ, прекрасные два органа и великолѣпное газовое освѣщеніе синагоги.

пришлось лично видѣть, проповѣдь разшевелила всѣхъ, согрѣла сердца и заставила щедро жертвовать добровольныя подаянія на бѣдныхъ прихода, на дѣтей и другія нужды. Нельзя было замѣтить ни одного человѣка, который-бы, при выходѣ изъ церкви, поочередно не положилъ своей лепты во всѣ кружки. Въ видахъ охраненія молитвеннаго настроенія у присутствующихъ, такой способъ сбора представляются гораздо болѣе удобнымъ, чѣмъ принятое у насъ хожденіе сборщиковъ по церкви, хотя нужно замѣтить, что и протестанты одиѣми кружками при входѣ не ограничиваются. Сборъ производится у нихъ и во время службы, для чего, параллельно длинѣ скамеекъ, протягивается на палкѣ особый сакъ, то по одной сторонѣ, то по другой.

Съ ранняго утра въ день Рождества разливался звонъ колоколовъ, на призывъ которыхъ шли тѣсны народа. Вновь торжественное служеніе, прекрасныя проповѣди, которыя располагаютъ слушателей къ христіанскому проведению праздника. И, дѣйствительно, вечеромъ улицы были совершенно пусты; всѣ магазины закрыты; царил мертвая тишина, каждый какъ-бы считалъ неприличнымъ въ святой вечеръ быть гдѣ-нибудь кромѣ дома. Здѣсь, въ семейномъ кругу, наслаждаются тихой, чисто христіанской радостью, сидятъ вокругъ праздничной елки, читаютъ Библію, поютъ рождественскіе гимны. Впечатлѣніе отъ рождественскихъ праздниковъ въ Берлинѣ очень пріятное. Убѣждаешься, что здѣсь народъ проникнутъ христіанскимъ чувствомъ настолько, что проводить праздники по христіански, съ сознаніемъ ихъ христіанской важности. Ясно, что народъ, такъ относящійся къ праздникамъ, достаточно выросъ нравственно, чтобы въ христіанскомъ чувствѣ находить источникъ праздничныхъ радостей безъ искусственнаго, внѣшняго подогрѣванія ¹⁾.

Не хочу этимъ сказать, что живость и свѣжесть религіознаго чувства здѣсь чище и лучше, чѣмъ въ Россіи. Нѣтъ, далеко-нѣтъ. Въ эгомъ отношеніи не найдемъ другаго народа съ такой чистотой, живостью и дѣйствительностью религіознаго чувства, какъ народъ русскій, который изъ ре-

¹⁾ Этимъ не отрицается, конечно, что здѣсь въ эти дни нѣтъ никакихъ мірскихъ развлеченій. Они есть, но формы этихъ развлеченій культурнѣе, наслажденіе искреннѣе, чѣмъ у насъ.

лиги—и лишь изъ одной религиі почерпаетъ все свои духовныя стремленія, съ ихъ высочайшимъ проявленіемъ въ сферѣ добра. Интенсивность религіознаго чувства въ Германіи такъ далеко не идетъ. Ее можно скорѣе назвать религіозной дисциплиной, которая, сообразно духовному складу народа, усвоила себѣ не столько внутреннее содержаніе христіанства, сколько его внѣшнее проявленіе, заключенное въ извѣстныя строго опредѣленныя рамки церковной дисциплины.

Нѣсколько иначе празднуется здѣсь Новый годъ, но это зависитъ отъ того, что ему здѣсь усваивается чисто гражданскій характеръ. Улицы полны шумной толпой, ярко залиты газомъ и электричествомъ, которые за двѣ-три минуты до полуночи моментально гасятся и все погружается во мракъ. Ровно въ 12-ть часовъ все моментально освѣщается снова, раздается громкій крикъ „*prosit neu Jahr*“, все поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, какъ-бы у насъ въ свѣтлый праздникъ. Но нужно также замѣтить, что въ послѣднее время церковь старается и этому празднеству придать церковный характеръ. Въ 12-ть часовъ ночи она совершаетъ богослуженіе и намъ приходилось видѣть, какъ при первомъ ударѣ колокола, многіе крикуны умолкали и шли на призывъ церкви.

Слѣдовало-бы еще сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о празднованіи лѣтнихъ праздниковъ и Пасхи въ Берлинѣ; но они носятъ тотъ-же характеръ, что и Рождество, съ тѣмъ лишь различіемъ, что послѣ службы каждый стремится съ своей семьей сдѣлать прогулку въ окрестностяхъ Берлина. Дешевый проѣздъ, прекрасное сообщеніе позволяютъ даже и бѣднякамъ доставлять себѣ это удовольствіе. Чрезвычайно любопытное зрѣлище представляютъ эти праздничныя прогулки; но ихъ нужно лично видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить. Это не обычные пикники съ подогрѣвающимися средствами, а дѣйствительное желаніе полюбоваться природой, подышать чистымъ воздухомъ, отдохнуть отъ тяжелаго труда и помечтать вдали отъ городского шума.

Какъ уже ранѣе упомянуто, протестантская церковь не остается чуждой къ нуждамъ своихъ пасомыхъ. Она, помимо приходскихъ попечительствъ, имѣетъ нѣсколько миссіи, которыя заботятся о матеріальномъ и нравственномъ

положеніи ея членовъ. Для Берлина существуетъ, такъ называемая, „Stadtmission“, цѣли и задачи которой весьма разнообразны. Эта миссія дѣло Адольфа Штекера, бывшаго придворнаго проповѣдника. Ея достоинство состоитъ въ томъ, что она стоитъ на чисто фактической почвѣ всевозможной помощи христіанамъ города Берлина. Это не блестящее учрежденіе, нуждающееся въ рекламѣ и вопляхъ къ христіанамъ о помощи, болѣе говорящее о желаніи извѣстныхъ личностей выставить себя друзьями страдающаго человечества, а учрежденіе, полное простоты и христіанской любви, гдѣ одна рука не знаетъ, что дѣлаетъ другая. Миссія обнимаетъ всѣ церкви Берлина. Пасторы сообщаютъ о нуждающихся членахъ своего прихода, которымъ попечительство не можетъ почему-либо оказать помощи, и миссія, при сильной нуждѣ, во время болѣзни или потери мѣста, даетъ пищу, квартиру и все прочее. За больнымъ тщательно ухаживаютъ, или помѣщаютъ его въ госпиталь; неспособнаго къ труду опредѣляютъ въ богадѣльню, или-же выдаютъ ежемѣсячное пособіе; сбывшагося съ пути въ нравственномъ отношеніи — стараются исправить и сдѣлать снова полезнымъ членомъ. Особенно стоитъ посмотрѣть пріюты этой миссіи для падшихъ женщинъ ¹⁾. Все здѣсь устроено крайне цѣлесообразно: начальница слѣдитъ за всѣмъ и предупреждаетъ все, что можетъ человѣка снова бросить на старый путь. Физическій трудъ, отдыхъ, чтеніе, музыка, пѣніе и другія занятія, при свѣтлой, уютной комнаткѣ, возбуждаютъ чувство мира и покоя въ падшей душѣ, направляютъ ее къ постепенному улучшенію и въ концѣ концовъ достигаютъ того, что въ ней нравственный уровень, послѣ грубаго жизненнаго толчка, вновь возвышается до человѣческаго образа съ честными задатками и убѣжденіями. Тотъ-же самый характеръ носитъ и преслѣдуетъ тѣ-же самыя цѣли и задачи другая миссія „Innere Mission“. Ея различіе отъ первой состоитъ лишь въ томъ, что она имѣетъ цѣлью заботиться о всѣхъ христіанахъ въ Германіи. За ней идетъ „Äussere Mission“—ея назначеніе приготовить проповѣдниковъ христіанства для Африки

¹⁾ Оговариваюсь, я имѣю возможность осмотрѣть лишь два пріюга, сколько ихъ всѣхъ—я не могу сказать.

и другихъ странъ. Эта миссія назначаетъ проповѣдникамъ содержаніе, даетъ всѣ средства для лучшихъ результатовъ проповѣди и заботится объ обращенныхъ въ христіанство. Имѣется и еще нѣсколько учрежденій протестантства съ подобнымъ характеромъ, но точно сказать о нихъ я не могу, потому что не имѣлъ возможности познакомиться съ ихъ дѣятельностью хотя-бы въ общихъ чертахъ.

Н. Писаревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Писаревский Н. Н. Полтора года в Берлине: (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 240–263 (3-я пагин.). (Продолжение.)

Полтора года въ Берлинѣ.

(Замѣтки о религиозной и общественной жизни).

(Продолженіе).

Протестантство распадается на много отдѣлковъ. Каждая отдѣльная вѣтвь его старается проводить свои возрѣнія въ печати, а потому очень трудно говорить объ общемъ направленіи протестантской богословской науки. Среди писателей протестантовъ есть и консерваторы, и либералы, сторонники и противники социализма, нетерпимые пѣтисты и свободомыслящіе, гуманные богословы. Это чрезвычайно затрудняетъ задачу выяснить хотя отчасти направленіе протестантства и выпуждаетъ говорить лишь о тѣхъ вопросахъ протестантской богословской науки, которые составляютъ злобу дня. — Прежде всего, протестантству приходится считаться съ развитіемъ естествознанія ¹⁾. Естественныя науки, съ ихъ результатами, оказали очень сильное вліяніе на умственную жизнь запада. Эволюціонная теорія происхожденія міра и человѣка, разбивающая міровую строй на двѣ половины — космическую и этическую, причемъ социальный прогрессъ представляетъ изъ себя задержку космическаго процесса и замѣщеніе его другимъ этическимъ, состоящимъ не въ переживаніи тѣхъ, которые оказываются наиболѣе приспособленными по отношенію къ совокупности существующихъ условій, но тѣхъ, кто лучше въ этическомъ отношеніи ²⁾, создала протестантскимъ богословамъ трудную задачу примирить эти два столь различныхъ процесса,

1) D-r. G. Riehm. Christentum. und Naturwissenschaft, Apologetischer Vortrag. Leipzig. 1896. Справ. А. Harnack. Zur gegenwärtigen Lage des Protestantismus. S. 7--9. Leipzig. 1896.

2) D-r. G. Wolff. Der gegenwärtige Stand des Darwinismus. Leipz. 1896.

съ библейскимъ ученіемъ о мірѣ и человѣкѣ. Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и популярныхъ распространителей дарвинизма въ Германіи является А. Вейсманъ, который ежегодно выпускаетъ свои многочисленные труды съ указаніемъ, что дарвинизмъ теперь долженъ освѣщать всѣ проблемы, всѣ отрасли изслѣдованія, и что печать дарвинизма цѣнится за самое лучшее свидѣтельство даже въ отдаленныхъ отъ дарвинизма областяхъ науки ¹⁾. Рѣдко когда-либо столь глубоко проникала какая-либо мысль въ среду образованныхъ и особенно необразованныхъ слушателей и вызывала такое почтеніе и уваженіе, чѣмъ мысли этой теоріи, и это объясняется лишь тѣмъ, что дарвинисты высказываютъ, что они разрѣшили проблему, которая глубоко интересна для каждаго, именно—проблему цѣлесообразности. Какъ смотреть на эти притязанія дарвинизма протестантскіе богословы, можно видѣть изъ цитованнаго сочиненія Reihm'a, гдѣ онъ говоритъ: „христіанство и естествознаніе считаются въ принципѣ врагами, но крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ естествознаніе оставило произведенія Аристотеля и другихъ авторовъ древности и стало почерпать свои свѣдѣнія, изъ наблюденія надъ самой природой. Но для насъ непонятно, какъ наука, цѣль которой изслѣдовать истину, можетъ стоять въ противорѣчій съ христіанствомъ, которое, какъ всѣ мы знаемъ, основывается на истинѣ. Или есть двойная истина? Можетъ-ли быть что-либо одновременно истиннымъ и ложнымъ? Очевидно нѣтъ. Мы усматриваемъ скорѣе, что вражда между естествоиспытателями и защитниками христіанской истины наступитъ только тогда, когда та или другая сторона выступитъ за предѣлы своей области, и если даже такіе споры о границахъ присущи и понятны человѣку, то все-же полезно и утѣшительно показать, что наука сама въ себѣ не носитъ противорѣчій съ христіанствомъ, да даже и не можетъ находиться съ нимъ въ противорѣчій“ ²⁾. Основная коллизія между естествознаніемъ

1) August Weismann. Neue Gedanken zur Vererbungsfrage. Leipz. 1896. Prof. D-r. Fritsch. Die materiellen Grundlagen der Descendenzlehre. Лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ, въ которыхъ онъ доходитъ иногда до абсурда. D-r. Ravitz. Die darvinische Theorie. Тоже лекціи, въ которыхъ онъ слѣдуетъ Weismann у.

2) G. Reihm. Crist. u. Naturwiss. S. 5—6.

и христіанствомъ заключается въ исторіи о происхожденіи міра и человѣка. Первое учить, что міръ и человѣкъ образовались естественнымъ путемъ изъ несложнаго вещества, второе учить, что они сотворены Всемогущимъ Богомъ. Вина въ этой коллизіи обоюдная: и дарвинистовъ и богослововъ. „Первые пристрастно переступили границы, назначенныя для нихъ. Они выше всего поставили свое ученіе, именно какъ единственное, которое сдѣлало излишнимъ творящаго Бога, и удивительную цѣлесообразность, усматриваемую при господствѣ Творца міра, изъяснили простѣйшимъ образомъ. Удивительно видѣть, съ какимъ легкомысліемъ и смѣлостью они выступали каждый разъ противъ добродѣтелей, которыя благочестивая душа считаетъ за самое высшее и святое, съ какимъ мужествомъ проповѣдывали происхожденіе міра безъ Бога и провозглашали материализмъ, который, какъ они утверждали, есть необходимое слѣдствіе дарвинизма. И материалисты, во главѣ съ Бюхнеромъ, видѣли, съ своей стороны, въ дарвинизмѣ могущественное подкрѣпленіе ихъ ученія. Оба вмѣстѣ несли свое ученіе въ народъ и утверждали въ немъ свои антирелигіозныя доктрины. Кто вообще порвалъ съ Богомъ и всѣми религіозными воззрѣніями, потому что они были ему непріятны, тотъ съ радостью ухватился за дарвинизмъ, который сказалъ ему, что содержитъ доказательство небытія Бога, Творца всего существующаго, а слѣдовательно и вѣчнаго Судіи. Поэтому вполне извинительна ошибка, если вначалѣ богословы думали, что они должны всѣми силами опровергать дарвинизмъ и съ Библіей въ рукахъ изъяснять происхожденіе первобытныхъ существъ. Этимъ они переступили свои границы. Они забыли, что Библія, и въ частности двѣ первыхъ главы Библіи, имѣетъ цѣлью сообщать намъ о Богѣ и Его отношеніи къ людямъ—и обратно объ отношеніи людей къ Богу, но никакъ не сберечь намъ историческія, географическія или-же естественно-научныя изслѣдованія. Библейское сказаніе о твореніи не есть только разсказъ, продиктованный Богомъ для записи Моисею, но содержитъ мысль, которая была внушена благочестивому и просвѣщенному Богомъ мужу, относительно начала, происхожденія и теченія сотенъ тысячъ лѣтъ міра, религіозную справедливость которой подтвердилъ Иисусъ Христосъ. Если-

же и есть тутъ что-либо неясное для насъ, то мы должны сознавать, что и ранѣе люди знали это не лучше и, быть можетъ, будутъ знать это лучше, чѣмъ мы, люди спустя сотни тысячъ лѣтъ“¹⁾. Отсюда протестантскіе богословы дѣлаютъ такой выводъ: „мы принимаемъ безъ разговоровъ, что внѣшній ходъ творенія, какъ онъ изложенъ въ Шестодневѣ, не соотвѣтствуетъ истинѣ“²⁾, а также мнѣнія и попытки, которыя сдѣланы относительно указанія на фактъ, что предъ Богомъ тысяча лѣтъ, какъ одинъ день, и которыя шесть дней отождествляютъ съ огромными геологическими періодами, болѣе вредятъ дѣлу, чѣмъ помогаютъ. Какъ мы можемъ защищать то, что не защищаетъ самъ бытописатель? Пусть будетъ лучше для насъ неизвѣстно, что бытописатель оставилъ слѣдовать между его первымъ извѣстіемъ о твореніи и вторымъ, которое такъ мало совпадаетъ съ первымъ, потому что рѣчь тутъ вообще не о творческомъ дѣлѣ. Бытописателя такъ мало занимаетъ внѣшній ходъ творенія, что онъ ни разу не пытается привести оба извѣстія въ согласіе. Его занимаетъ одно то въ религіозной истинѣ—общее обоимъ извѣстіямъ, что Богъ, въ противоположность богамъ язычниковъ, есть творецъ вселенной, что всякая матерія и сила происходитъ отъ Него, что Онъ, слѣдовательно, имѣетъ всю силу и безъ Его совѣта и воли не можетъ быть ничего. Это есть величайшая истина, которой бытописатель обязанъ божественному просвѣщенію.—Но противорѣчитъ-ли этому естествознаніе? Развѣ скажутъ намъ естествоиспытатели, откуда произошелъ огромный, вертящійся центральный шаръ? Откуда произошла матерія? Сама она образовалась? Но для химика то неоспоримая истина, что никогда не образуется новая матерія. Откуда произошла сила? господствующее обращеніе раскаленной массы? Развѣ отъ самой себя? Физикъ не знаетъ происхожденія силы, а лишь ея примѣненіе. Или кто-нибудь скажетъ: матерія движется

1) Ibid. S. 21. Справ D-r Meinhof. Biblisches Schutz- und Trutzbüchlein. Leipzig. 1896.

2) Взгляды русскихъ богослововъ по этому поводу можно видѣть: Митр. Филаретъ. Записки на книгу Бытія. Стр. 30—31. П. Сергіевскій. Твореніе міра и человѣка М. 1883. Новорусскій—о томъ-же въ „Христъ Чт.“ за 1887. С. С. Глаголевъ. О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человеческого. М. 1894.

отъ вѣчности, слѣдовательно, міръ самъ въ себѣ вѣчный законъ, въ которомъ нужно искать для себя трансцендентальное божество? Но математикъ отвѣтитъ: ты не знаешь начала безконечности, потому что оно продолжалось билліоны лѣтъ прежде, чѣмъ изъ вертящагося шара образовался настоящій міръ; — вѣчность еще длиннѣе! Ибо что было въ предшествовавшіе билліоны лѣтъ? Вертѣвшійся въ то уже время паровой шаръ, не даль-ли вращенію въ себѣ самомъ видъ нынѣшняго міра? Нѣтъ, движеніе не можетъ быть вѣчно: оно перемѣняется, усиливается, развивается; вѣчнымъ можетъ быть только одно неизмѣнное, или періодическое, или покой. Итакъ, неизмѣнное существо должно было сотворить и привести въ движеніе первоначальное вещество; но кто это существо, не говоритъ намъ естествознание, а говоритъ только библейское извѣстіе о твореніи“¹⁾.

Точно также отрицаютъ протестанскіе богословы и рѣшеніе вопроса цѣлесообразности въ дарвинистическомъ смыслѣ. Для примѣра они берутъ такіе факты: гончая собака получила длинныя ноги чрезъ измѣненіе, наслѣдственную передачу и естественный подборъ; жирафъ по тѣмъ-же условіямъ, получилъ длинную шею; но изъ этого нельзя вывести, что цѣль произведенія столь быстроногаго животнаго и животнаго, имѣющаго длинную шею, вовсе не существовала на лицо. Въ этомъ случаѣ, дарвинистическій выводъ носитъ самъ по себѣ чисто теоретическій характеръ, и не соответствуетъ даннымъ дѣйствительности. Оба эти примѣра совершенно равнозначущи при измѣненіяхъ во внѣшнемъ мірѣ, независимо отъ того имѣла-ли собака длинныя ноги или жирафъ длинную шею. Они могли также хорошо кормиться и при короткихъ ногахъ и при короткой шеѣ, слѣдовательно, здѣсь не сбывается изъяснительный процессъ естественнаго подбора, который всегда предпочитаетъ длинныя ноги и шею. Между тѣмъ неоспоримый фактъ, что звѣри съ длинными ногами и шею, также какъ и съ короткими, исчезаютъ. Отсюда ясно, что вѣроятность вліянія естественнаго подбора, въ пріобрѣтеніи животнымъ длинныхъ ногъ и шеи, нисколько не больше вѣроятности—

1) Riehm. S. 21—23.

пріобрѣтенія короткихъ ногъ и шеи, потому что здѣсь одинаково вѣроятны и плюсь — измѣненія и минусъ — измѣненія, какъ единственно возможные измѣненія, и наступленіе обоихъ имѣетъ равную истинность. Даже вполне возможно и болѣе вѣроятно, что когда часть одного органа измѣняется лишь количественно, то изъ такого измѣненія произойдетъ ухудшеніе въ цѣломъ организмѣ ¹⁾, и дарвинизмъ тутъ нисколько не рѣшаетъ вопроса о цѣлесообразности. Начало цѣли мы всего лучше познаемъ изъ нашихъ собственныхъ дѣлъ. Мы сами ставимъ себѣ цѣль, но достигаемъ ее при помощи естественныхъ средствъ, устроая такія отношенія, что чрезъ естественное дѣйствіе силъ природы достигаются желаемыя слѣдствія. Если-бы это было иначе, то это былъ бы совершенный абсурдъ. Къ чему ведетъ дарвинистическое изъясненіе цѣлесообразности, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Ктонибудь сказалъ-бы охотнику: дѣйствительно, ты застрѣлилъ зайца, но ты не достигъ цѣли застрѣлить его, такъ какъ порохъ перешелъ въ пары по очевиднымъ химическимъ законамъ, пары заняли болѣе обширное мѣсто, вслѣдствіе этого дробь двинулась впередъ; она двигалась, далѣе, подъ вліяніемъ одновременно дѣйствующей силы тяготѣнія въ видѣ параболической дуги, которая окончилась тамъ, гдѣ бѣжалъ заяцъ. Дробинки попали ему въ тѣло и онъ упалъ. Такъ это было. Все естественныя силы, которыя дѣйствуютъ по естественнымъ законамъ. Но самой цѣли застрѣлить зайца ты не видѣлъ; слѣдовательно, ее не было на лицѣ. Полагаемъ, охотникъ принялъ бы говоруна за сумасшедшаго. — Если законы природы такъ устроены, что чрезъ перемѣну ихъ дѣйствія образовали изъ вертящагося парового шара нѣчто чудесное и полное искусства, какъ этотъ міръ съ его живыми существами, то кто можетъ сказать, что свойства и законы матеріи образовались случайно и ненамѣренно, но цѣлесообразно? Имѣетъ это смыслъ или нѣтъ? И если уже въ распредѣленіи свойствъ матеріи уже въ основѣ положена цѣль, то все-же долженъ кто-нибудь обладать ею, долженъ быть устроившій матерію и давшій ей естественныя законы. А кто это — не скажетъ намъ никакое естествознаніе, зани-

¹⁾ Wolf. S. 16.

мающееся только видимой природой, какъ и свойственно ему,—это скажетъ намъ только священное писаніе, которое говоритъ намъ, что такой творецъ міра и человѣка есть всеобщій Богъ. Никакое естественно научное изслѣдованіе не можетъ пошатнуть въ насъ вѣру въ Бога, всемогущаго творца неба и земли, и всѣ возраженія противъ этого имѣютъ лишь ложный, теоретическій характеръ, потому что сами постоянно мѣняются, разрушаютъ одно другое, не имѣя истинной, доказанной, основной точки отправления въ своихъ разсужденіяхъ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ дарвинистамъ давно пора прислушаться къ авторитетному голосу профессоровъ Вирхова и Дюбуа-Реймона (покойнаго) и не давать своимъ теоріямъ слишкомъ широкихъ обобщеній.

Не менѣе, чѣмъ съ естествознаніемъ, приходится считаться протестантскому богословію еще съ двумя факторами религіозной жизни, изъ которыхъ одинъ образовался въ самое послѣднее время. Одинъ изъ этихъ факторовъ имѣетъ цѣлю на основаніи научныхъ данныхъ лишить религію ея божественнаго происхожденія. Представителями такого пониманія религіи являются по преимуществу члены „Versammlungslokal der freireligiösen Gemeinde“, издающіе въ такомъ духѣ свои труды. Другой является какъ-бы осуществленіемъ этого ученія, примѣненіемъ его на самомъ дѣлѣ. Лица этого рода не ограничиваются только словами, но на самомъ дѣлѣ оставляютъ христіанство. Но для этого въ Германіи нужно все дѣло поставить формально. И вотъ они подаютъ прошеніе въ судъ, что они не считаютъ себя христіанами. Послѣ того какъ гражданская власть разсмотритъ ихъ прошенія и положитъ резолюцію, разрѣшающую имъ оставить христіанство, они переходятъ въ разрядъ язычниковъ, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ и право поступить когда-либо на государственную службу. Чтобы дать болѣе точную характеристику этихъ направленій, приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія „Die Schaffung Gottes durch den Menschen von Hartmut Brugg“ ²⁾. „Одно понятіе играетъ въ жизни народовъ и отдѣльныхъ личностей огромную роль: это религія. Никто изъ лицъ образованныхъ не можетъ

1) Riehm. S. 27—31.

2) Leipzig. 1896.

кратко выяснитъ: что такое религія. Я могу лишь выразить это приблизительно такъ: религія есть мысль о сверхъестественной силѣ по человѣческому образу... Основные идеи религіи образовались у перваго человѣка приблизительно также, какъ онѣ образовались-бы у современнаго человѣка, совершенно оставленнаго безъ религіознаго воспитанія и обученія. Все, что устроитъ человѣческую жизнь, вызываетъ поступки, мысли, чувства и надежды—это нужда. Уже первый человѣкъ чувствовалъ себя безпомощнымъ и слабымъ, если пламенная молнія ударила подлѣ него, если страшный ударъ грома потрясалъ его. Все было заклято для человѣка: свирѣные звѣри, пустыня, холодъ и палящій зной. Мореплаватель дрожалъ предъ штормомъ, предъ яростью массы воды, освобожденной отъ оковъ; такъ человѣку казалось: моя сила недостаточна, долженъ господствовать надо мною сильнѣйшій. Онъ подастъ мнѣ помощь, если я буду просить его. Такъ образовалось міросозерцаніе, изъясняющее все при помощи человѣческаго представленія. Скоро отдѣльныя личности стали призывать высшее существо, по дару рѣчи и выдающемуся уму почувствовали себя ближе къ нему и образовали священство. А такъ какъ человѣкъ носитъ въ собѣ силу, которая живетъ какъ свободная образовательница дѣйствительности, т. е. силу воображенія или фантазію, то если дѣйствительность окружающей его природы была чужда ему, если онъ не могъ ее изъяснить, однако долженъ былъ изъяснить,—онъ образовалъ и выдумалъ эту дѣйствительность по своему собственному желанію и волѣ. Все таинственное, загадочное онъ представилъ по своей собственной манерѣ; отсюда, нужда и попытки понять явленія природы породили всѣхъ боговъ. Отъ фетиша до высочайшаго Бога — это единственный источникъ происхожденія божества. Быть можетъ ничто такъ не говоритъ за произведеніе Бога язычниками, какъ различіе божества, соотвѣтствующее степени образованія и всѣмъ чувствамъ народа: родъ занятій, пашня, рыбная ловля, городская жизнь служатъ мѣриломъ для Бога. Такъ, персы—народъ земледѣльческій—почитали за божество солнце; германцы—народъ впечатлительный къ явленіямъ природы—обоготворили эти явленія; греки—обоготворили человѣка, потому что быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова —

было благороднѣйшей цѣлью грека: финикіане — народъ сладострастный—создали и соотвѣтственное божество; евреи, народъ прекрасно одаренный, благороднѣйшій между семитами, богатый по силѣ воображенія и чувствамъ, создали представленіе о невидимомъ, единомъ Богѣ. Здѣсь уже слышится великая мощь работы мысли: все явленія поставить въ связь, свести къ одной силѣ. Но этотъ Богъ, созданный столь могучей личностью, какъ Моисей, могъ быть только понимаемъ благороднѣйшими умами, и не удивительно, что масса всегда снова обращалась къ идолослуженію. Какъ въ человѣкѣ, такъ въ богѣ. Буддизмъ и магометанство возникли изъ видовыхъ особенностей народовъ. Соблазнительное ученіе Магомета приобрѣло себѣ права гражданства у имѣющихъ горячую кровь арабовъ; лѣнивая, но разсудительная желтая раса усвоила себѣ мрачное ученіе Будды. Разсудительному европейцу нужна въ высшей степени развитая религія. Но сколь много ступеней образованія въ каждомъ народѣ, столько же и религій или видовъ религій. Глупый и ограниченный человѣкъ не можетъ понимать ученія Павла, и евангелическая свобода Лютера—отлична отъ свободы крестьянина. Пришлось бы зайти слишкомъ далеко, еслибы кто пожелалъ освѣтить полигическое положеніе, духовную жизнь, кинмать, свойства расъ въ ихъ вліяніи на религію. Католики, протестанты все же могли бы уяснить себѣ, что ихъ твердыя, вкоренившіяся истины, чѣмъ болѣе человѣчны, тѣмъ менѣе можно отказывать ихъ первоначальному происхожденію изъ человѣческаго мозга, происхожденію, мастерски составленному изъ человѣческихъ представленій и прикрасъ. Больно для думающаго и чувствующаго изслѣдователя видѣть, какъ цѣлыя столѣтія возвѣщается вымыселъ за вѣчную истину, какъ человѣческое дѣло поработило человѣка, твореніе—творца“.

Противъ такого направленія въ нѣмецкой литературѣ особенно сильно выступаетъ въ своихъ лекціяхъ „Glaube und Wissen“ („Вѣра и знаніе“) профессоръ Берлинскаго университета D-r Lasson. Онъ говоритъ: въ различныхъ гипотезахъ о происхожденіи религіи, существующихъ въ нашей литературѣ, встрѣчаются указанія на мнимые и случайные источники религіозной идеи, которыя само-собою уничтожаютъ всякую мысль объ ея истинѣ. Здѣсь, прежде всего,

заслуживаютъ вниманія тѣ гипотезы, которыя, отвергая объективность и истинность религіи, объясняютъ ея происхожденіе у людей причинами случайными, внѣшними. Но эти гипотезы носятъ въ самихъ себѣ противорѣчіе и несообразность, потому-что не объясняютъ того, что хотятъ объяснить, т. е. причину первоначальнаго происхожденія религіи. Онѣ не могутъ указать тотъ процессъ мысли, который приводитъ къ представленію о существѣ сверхчувственномъ, о которомъ ничто внѣшнее не даетъ понятія. Тѣ побужденія въ образованіи религіозныхъ понятій, какія они указываютъ, побужденія вымышлять — и есть только неопредѣленныя побужденія вымышлять, но не даютъ готовыхъ элементовъ для такого понятія, ничего сходнаго съ которымъ не представляла существовавшая дотолѣ область понятій и представленій. Психологія очень ясно утверждаетъ, что для самаго фантастическаго представленія потребны элементы, почерпнутые изъ данныхъ, дѣйствительныхъ впечатлѣній, что самая смѣлая фантазія не творитъ изъ ничего, но преобразуетъ элементы дѣйствительныхъ представленій. Минимая гипотеза изобрѣтенія религіозной идеи, въ окружающемъ ее чувственномъ мірѣ не имѣетъ ничего, что могло бы ей дать понятіе о невидимомъ, вѣчномъ, всемогущемъ существѣ; ясно, что такое понятіе не принадлежитъ къ числу произвольно создаваемыхъ представленій. Нельзя также не замѣтить, что въ этой гипотезѣ страха человѣка предъ грозными явленіями природы между причиною и дѣйствіемъ нѣтъ логической связи. То правда, что грозныя явленія природы возбуждаютъ страхъ; но откуда является здѣсь благоговѣніе или ипаче религіозное отношеніе къ предмету страха — совершенно необъяснимо. Страхъ чувствуютъ и животныя, но онъ не переходитъ у нихъ въ благоговѣніе. Отсюда благоговѣніе и страхъ далеко не одно и то же. Нельзя отрицать, что у нѣкоторыхъ, стоящихъ на низшей степени развитія племенъ, религіозное чувство выражается въ формѣ страха предъ существами, принимаемыми за боговъ; но это явленіе не всеобщее и притомъ уже искаженное послѣдующимъ временемъ, а не примитивное. Страхъ религіозный не однороденъ съ ощущеніемъ страха предъ грозными явленіями природы: съ первымъ соединяется представленіе высшей, невидимой силы,

проявляющей себя въ явленіяхъ природы; со вторымъ — лишь инстинктивное сознаніе личной опасности. Явленія природы, какъ бы они ни были грозны, не могутъ образовать въ душѣ человѣка понятіе о высшей силѣ; эта идея присуща душѣ ранѣе и безъ нея самыя поразительныя явленія природы вызывали бы лишь сознаніе безпомощности и зависимости отъ природы, а никакъ не представленіе о существѣ, управляющемъ силами природы. Стоять лишь обратить вниманіе на содержаніе религій, чтобы понять, что оно выше всего того, что можетъ дать самая смѣлая фантазія, которая какъ бы ни расширяла границы свойствъ человѣческихъ качественно и количественно, не могла бы все же найти тѣ абсолютныя признаки, которые являются въ ученіи религій о Богѣ, если-бъ этихъ признаковъ не было ранѣе въ душѣ. Объ этомъ фактѣ сознанія умышленно умалчиваютъ представители подобныхъ гипотезъ; они принимаютъ лишь, что созданный человѣкомъ идеаль путемъ самообольщенія превратился въ идею божества; допускаютъ немислимый психологическій процессъ, которому нѣтъ ничего подобнаго въ дѣйствительности. Что же касается того, что религія несомнѣнно сопровождаетъ каждый народъ по всеѣмъ ступенямъ его исторической жизни, видоизмѣняется съ измѣненіемъ понятій, правовъ и историческихъ обстоятельствъ, но остается неизблемою въ своихъ основныхъ началахъ, то это такой фактъ, который никакъ не можетъ быть признанъ ни случайнымъ, ни происходящимъ отъ случайныхъ причинъ. Образование, очищая и преобразуя религіозныя представленія, вовсе не ослабляетъ и не уничтожаетъ самой религій и антирелигіозное направленіе есть лишь превратное образованіе, какъ явленіе мимолетное и исключительное въ правильномъ ходѣ исторической жизни народовъ. Утверждать, что религія есть плодъ фантазіи, значить не имѣть никакого уваженія къ человѣчеству, человѣческому разуму, представлять человѣка жалкимъ существомъ, который не можетъ отличить истины отъ сказки.

Противъ практическаго примѣненія этой идеи, т. е. противъ выходящихъ изъ церкви, борьба со стороны протестантскаго духовенства ведется и устно и письменно ¹⁾.

1) Число такихъ вышедшихъ изъ церкви въ нынѣшнемъ году прости-

Устно противъ выходящихъ изъ церкви выступили въ одномъ собраніи, на которомъ довелось быть и мнѣ, не безызвѣстный бывшій придворный проповѣдникъ Адольфъ Штекеръ. У него замѣчательное чутье ко всему, что составляетъ злобу дня, что въ рукахъ честолюбца можетъ дать благодарную почву для агитаціи, но отсутствуетъ чутье правды, пониманія какъ приступить къ столь щекотливому вопросу. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые идутъ всюду на проломъ, и которые не умѣютъ хладнокровно выслушать мнѣніе противника и также хладнокровно его отпарировать. Въ этомъ собраніи, къ несчастію, боксерство Штекера не послужило протестантству на пользу. Онъ былъ позорно разбитъ и осмѣянъ своими противниками. Уже одно то, что подъ объявленіями Штекера, въ которыхъ онъ призывалъ возвратиться въ лоно протестантства, стояло другое, очень краткое, но своего рода знаменательное: „не вѣрьте, его преподобію, все, что онъ говоритъ о религіи, — ложь, а равно и все, что онъ говоритъ о политикѣ, тоже ложь, вызывало очень дзусмысленныя улыбки и распотагало слушателей не въ его пользу.

Совершенно инымъ путемъ хочеть повліять на эти два прискорбныя явленія въ протестантствѣ Вильгельмъ Шрадеръ ¹⁾). Совершенно спокойно, но съ глубокимъ пониманіемъ, пристунасть онъ къ трудной задачѣ примиренія чуждающихся церкви съ церковью. Онъ признается, что между многими неразрѣшными вопросами настоящаго времени, на которые онъ долженъ отвѣтить и которые его всего болѣе занимаютъ — это вопросъ: какъ привлечь къ церкви образованныхъ лицъ, которыя считаютъ себя чуж-

рается до тысячи человекъ. Насколько мнѣ удалось уловить, не малое значеніе имѣеть въ данномъ случаѣ пожеланіе платить церковныя налоги, которые здѣсь довольно значительны. Около этой причины трунируются уже и прочія, какъ неизбежныя спутники ея. Въ числѣ невѣрующихъ оказался даже одинъ пасторъ изъ Веймара. Онъ заявилъ въ Церкви, что Бога нѣтъ, за это былъ отрѣшенъ отъ должности суперъ-интендентомъ; но не подчинился этому рѣшенію. Онъ подалъ въ судъ, доказалъ свою яко-бы справедливость, признанъ былъ правымъ и, не смотря на свои убѣжденія, остался въ должности пастора.

¹⁾ Wie gewinnen wir die kühlich Fremden für das Evangelium? Von D. Dr. Wilhelm Schrader, Geh. Oberregierungsrat und Kurator der Universität zu Halle. Berlin. 1896.

дыми церкви, евангелію и христіанству? ¹⁾ Конечно, это явленіе не новое, противъ него боролись Шлейермахеръ и Роте, но это нисколько не облегчаетъ задачу, потому что отпаденія отъ христіанства теперь выражаются гораздо упорнѣе и рѣзче, такъ какъ ученые противники желаютъ вмѣстѣ съ собой отвлечь народныя массы отъ христіанства, отъ всякой религіи вообще. Поэтому для примиренія теперешняго раздора церковь не должна полагаться на силы лишь своихъ служителей, но вся церковная община должна придти ей на помощь, чтобы достигнуть благопріятныхъ результатовъ. Въ этой борьбѣ нельзя пойти быстро дѣйствующаго средства, которое могло-бы совершенно прекратить расцѣлю, но въ ней, во всякомъ случаѣ, не должно быть какой-нибудь внѣшней, карающей дисциплины, которой нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ убѣжденіи духа. Народныя движенія, которыя волнуютъ теперь христіанство, почерпаютъ свою силу не изъ самихъ себя, а изъ ученій тѣхъ, которые привыкли и очень склонны брать лишь половину мысли и изъ нея строить свои выводы. Было-бы очень трудно бороться съ этими явленіями, если-бы чистая наука была на сторонѣ ихъ. Но наука слишкомъ добросовѣтна и скромна, чтобы не имѣющія цѣны доктрины и дурно обоснованныя мысли дѣлать своей опорой. Вслѣдствіе этого, можно замѣчать, что внутреннее расположеніе образованныхъ круговъ стало благопріятнѣе, настроеніе стало теплѣе: они ищутъ единенія съ церковью и въ этомъ скрывается зародышъ, котораго позволяетъ церкви надѣяться на лучшее будущее. Главная причина отпаденія отъ религіи, по мнѣнію Шрадера, та, что въ Германіи школьная жизнь совершенно лишена религіознаго принципа. Религія не играетъ никакой роли въ дѣлѣ школьнаго обученія; двери школы закрыты для нея. Отъ этого происходитъ то, что юноши весьма далеки отъ воспитанія въ духѣ Христовомъ и со школьной скамьи посятъ въ себѣ отчужденіе отъ церкви. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, пасторы должны учреждать внѣбогослужебныя собранія, на этихъ собраніяхъ знакомить мірянъ съ результатами богословскихъ работъ, оставивъ, прежде всего, взаимные споры о раз-

¹⁾ Ibid. S. 5.

личною пониманіи писанія. Въ этомъ случаѣ ихъ рѣчи будутъ первымъ пробуждающимъ призывомъ къ религіозному чувству и сознанію, а ихъ ежедневная проповѣдь должна быть пропикнута строгостью мысли, глубиной чувства и рѣшительнымъ призывомъ къ самосознанію. Сопоставленіе земного съ небеснымъ обратитъ разумъ людей къ страху Божию, ихъ эгоизмъ къ любви и служенію дѣлу Христову. Такимъ только способомъ они могутъ установить согласіе между церковною и образованными мірянами относительно основоположеній христіанской мысли и воли, потому что иначе церковь станетъ неплодоносною, языческою, если міряне совершенно отрѣшатся отъ христіанства. Христіанская проповѣдь предъ мірянами не должна быть направлена на толкованіе догмы или на защиту употребляющихся нынѣ формъ, но къ созиданію нравственно-религіознаго убѣжденія и вѣры, къ пробужденію преданности сердца Богу и евангелію. При такихъ условіяхъ сама собой исчезнетъ та ошибка, которая держитъ мірянъ вдали отъ церкви, что наша церковь—лишь церковь духовенства. И чѣмъ тѣснѣе сольется жизнь церкви съ жизнью общины, тѣмъ будетъ она приносить болѣе богатые плоды. Церковь не должна ограничивать свои заботы только проповѣдью въ храмѣ, не должна быть недѣятельной и сторонней отъ движеній и выводовъ свѣтскаго образованія, въ противномъ случаѣ она лишена будетъ возможности воздѣйствія на мірянъ и возможности улучшить ихъ. Она не должна впадать въ ту ошибку, что ея проповѣдь, вопреки заповѣди Спасителя, должна относиться лишь къ вѣрнымъ, и не должна забывать, что тѣ, которые даже отрицаютъ Бога, сами невольно свидѣтельствуютъ, что они не могутъ отрѣшиться отъ Него, такъ какъ сознаютъ, что это непереходимая граница для ихъ разума, ибо равнодушіе и совершенное отчужденіе не стали-бы сражаться съ такимъ усердіемъ... Здѣсь не должно смущать то, что будто-бы между христіанскимъ ученіемъ и выводами науки лежитъ цѣлая пропасть. Если уже сами строгіе представители науки признаютъ неосновательность крайнихъ выводовъ естествознанія и другихъ подобныхъ гипотезъ и невозможность объяснить явленія человѣческаго духа путемъ чисто естественнымъ, то тѣмъ болѣе естественно христіанству указать,

какъ любовь къ земному и непонятному ослѣпляетъ нѣкоторыхъ изъ ученыхъ и отдѣляетъ ихъ отъ истиннаго свѣта, который они затемняютъ и все-же должны къ нему обратиться. При строгой мысли и послѣдовательности, они должны въ концѣ концовъ дойти до отчаянія, что и случилось съ нѣкоторыми въ то время, какъ они обращали естественное въ сверхъестественное и промѣняли свободу духа на принудительную силу природы, идеаль на постыдную дѣйствительность, вѣчный миръ на неусыпное наслажденіе. Поэтому дѣло примиренія съ религіей можетъ только состояться на аренѣ великой области жизни, если удастся согрѣть ожесточенныя сердца, поселить въ нихъ желаніе совмѣстной работы въ этой области, вырвать ихъ ложный стыдъ предъ собственнымъ самодовольствомъ и возбудить ихъ къ союзу для борьбы за царство вѣчнаго духа. Преобразование общей мысли и образа мыслей, конечно, дѣло великихъ умовъ; но если удастся только хотя ясно обозначить временныя препятствія религіознаго развитія, то этимъ уже будетъ открытъ путь для ихъ преодоленія. Это теперь тѣмъ удобнѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ препятствій, столь усиленно выставляемыхъ, носятъ въ себѣ печать произвольности и вмѣстѣ съ тѣмъ слабости. Если часто и довольно громко раздастся голосъ изъ образованнаго круга, что церковь и богословская наука должны отказаться отъ извѣстныхъ положеній, оспариваемыхъ общимъ сознаніемъ и опровергнутыхъ наукой, то эти требованія нужно оцѣнивать по тому, насколько они могутъ быть полезны церкви, христіанскому чувству и насколько свѣтскій разумъ будетъ удовлетворенъ ими, чтобы прекратить свой разрывъ съ церковью. Но если главные факты будутъ такого рода, что ими будутъ смущать вѣрующую душу, то христіанское ученіе никакъ не можетъ съ ними примириться. Оно всегда должно помнить слово Апостола (1 Коринѳ. 15), что всякая проповѣдь и всякая вѣра тщетны, если Христосъ не возсталъ изъ мертвыхъ. Относительно этого пункта не можетъ быть никакой сдѣлки между противниками и христіанствомъ; здѣсь вообще лежатъ границы для примиренія между христіанствомъ и современнымъ образованіемъ. Притомъ-же и современная наука здѣсь не въ правѣ входить въ разсужденіе о природѣ чуда вообще, о его значеніи для нашего спасенія

и согласности съ строемъ нашего духа. Одинъ изъ ся-же рядовъ глубокой и благороднѣйшей мыслитель, признаваемый всѣми образованнымъ людьми за глубочайшаго ученаго, доказалъ, что „чудо не стоитъ въ противорѣчїи съ внѣшней природой; оно есть лишь естественное примѣненіе большой силы, которая мѣстно или временно необычно вступаетъ въ дѣйствіе вмѣсто меньшей силы“ ¹⁾. Такъ Шрадеръ указываетъ средство для заполнения той пропасти, которая выросла между выходящими изъ христіанства и христіанствомъ. Главными условїями для достиженія цѣли примиренія христіанства съ наукой, онъ ставитъ правильное отправленіе своихъ функцій со стороны науки и общественной жизни. А оно будетъ таковымъ, если въ религіи не будетъ споровъ, но только живая любовь ко Христу, ученіе и страданія Котораго должны быть нашей силой, а воскресеніе изъ мертвыхъ нашимъ упованіемъ; въ философіи—упованіе на возможность и силу идей и отрицаніе ложной мудрости, которая возвѣщаетъ вмѣсто мужества сомнѣніе, вмѣсто жизни—смерть и небытіе; въ искусствѣ правильное воззрѣніе на идеаль, свободный отъ жизненной грязи; въ семьѣ—сердечность; въ общественной жизни—примиреніе споровъ во всѣхъ слояхъ народа,—коротко,—стараніе вездѣ насадить гармонию духа и миръ въ Богѣ, чтобы все это признавалось на словахъ и укрѣплялось на дѣлѣ, особенно передъ тѣми, которые хорошо сознаютъ свои права, но еще не склонны къ обнаруженію любви ²⁾.

Нельзя не отмѣтить въ протестантствѣ еще нѣкоторыя

¹⁾ Lotze. Mikrokosmos. III. S. 363 ff.

²⁾ Можно видѣть, что Шрадеръ требуетъ ни болѣе ни менѣе какъ преобразованія всего жизненнаго строя на евангельскихъ началахъ. Онъ указываетъ, что разладъ жизни съ христіанствомъ такъ великъ, что всѣ прочія мѣры суть палліативы. Быть можетъ, Шрадеръ сильно сгустил краски, но въ общемъ онъ представилъ вѣрную картину. Его указанія уже замѣтно отразились на дѣятельности протестантскаго духовенства, которое въ настоящее время очень дѣятельно старается о насажденіи религіозныхъ началъ дѣтямъ, если не въ школахъ, то въ церкви—бесѣдами, занятіемъ съ дѣтьми въ воскресные дни. И общество съ своей стороны дѣлаетъ все, что можетъ способствовать этой цѣли. Само общество уже сѣтуетъ, что религіозная программа народныхъ школъ, изъ которыхъ пасторы совершенно удалены, такъ плоха, что дѣти читаютъ изъ Библии лишь то, чѣмъ можно привести въ смущеніе большихъ.

движенія. II, прежде всего, христіанско-соціальное и соціальное-евангелическое. Во главѣ перваго стоялъ и теперь еще стоитъ Адольфъ Штекеръ, во главѣ втораго пасторы Пауманъ, Гере, Герлахъ, юристъ Зомъ (Sohn) и богословы Вагнеръ, Дельбрюкъ и Гарнакъ. Первая партія стремилась и стремится къ примиренію и согласованію требованій массы съ нуждами государства и церкви. Было время, когда эта партія играла довольно видную роль, но паденіе ея вождя послужило къ ея разстройству. Штекеръ оттолкнулъ отъ себя просвѣщенную часть духовенства своей богословской нетерпимостью и смѣшеніемъ христіанско-соціального вопроса съ антисемитизмомъ, своей связью съ реакціоннымъ теченіемъ жизни. Говорятъ, что лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, весь Берлинъ лежалъ у ногъ этого замѣчательнаго агитатора. Его рѣчи противъ деморализованнаго либерализма, продажной печати, объ обманутыхъ пролетаріяхъ, у которыхъ вырываютъ изъ сердца драгоцѣннѣйшее ихъ достояніе вѣру и послушаніе, вызывали всеобщій восторгъ. Его призывъ, чтобы государство и церковь не оставались безучастными зрителями того, какъ народъ отвращается отъ церкви и монархіи, его проповѣдь, что осуществленіе справедливости составляетъ идеальную цѣль существованія церкви и государства, создали ему славу народнаго трибуна. Но если еще и ранѣе протестантское духовенство осудило Штекера за его дѣятельность, высказавъ, что воззрѣнія церкви несомѣстимы съ воззрѣніями социалистовъ, то въ настоящее время, послѣ исторіи Штекера съ Императоромъ Вильгельмомъ II и пасторомъ Витте, его шансы и шансы его партіи совершенно упали. Нельзя утверждать, что Штекеръ покончилъ свою дѣятельность, — нельзя же считать погребеннымъ человѣка, когда и теперь еще слушать его рѣчи сходится не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ, — но все же можно сказать, что играть ту роль, какую онъ игралъ ранѣе, онъ уже никогда не будетъ.

Изъ партій Штекера образовалось новое, такъ называемое соціальное-евангелическое, направленіе въ протестантствѣ. Эта группа, разоидясь съ Штекеромъ изъ-за вопросовъ религіозной и политической свободы, выработала свою собственную, хотя еще не вполне установленную, программу. Сущность этой программы слѣдующая: а) христіан-

ская вѣра—одинъ изъ величайшихъ двигателей развитія въ духѣ любви и мира; б) наши требованія основаны не во имя только одной религiи и еще менѣе какого-либо исповѣданія, но во имя блага нѣмецкаго народа; в) социалисты-христиане стоятъ на почвѣ конституціи и всеобщаго избирательнаго права; г) нашъ господаиъ—народъ и чѣмъ шире будетъ народный элементъ въ законодательствѣ, тѣмъ больше шансовъ на мирное развитіе. Отсюда, эта партія ставитъ себѣ задачей „этизировать“ и „христианизировать“ рабочее движеніе, выступаетъ противъ социаль-демократiи и рѣшительно отрицаетъ всякія преслѣдованія. Несомнѣнно, что въ этой партiи есть убѣжденные и не заурядные дѣятели, но изъ числа ихъ все-же первое мѣсто занимаетъ пасторъ Пауманъ, съ именемъ котораго связываютъ все движеніе молодой социальпо-евангелической группы. Никто изъ дѣятелей этой группы не обладаетъ такимъ выдающимся талантомъ агитатора, такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и, что можетъ быть всего важнѣе, такой сильной волей, какъ этотъ проповѣдникъ. Какъ политикъ, Пауманъ вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ протестантскаго духовенства и попытался воспользоваться другимъ стимуломъ для привлеченія массъ—національностью. Отсюда происходитъ и то, что если Герс говоритъ о соединенiи христианства съ социализмомъ, то Пауманъ предпочитаетъ выдвигать патріотическій социализмъ. Это ведетъ къ болѣе рѣзкому диссонансу въ программѣ, но даетъ возможность примкнуть къ новой группѣ тѣмъ элементамъ образованнаго общества, которые порвали съ прежними Штекеровскими идеями. Удастся-ли эта попытка новой протестантской группы „христианизировать“, какъ они сами выражаются, рабочее движеніе—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ идеи этой группы не новы: онѣ берутъ для себя идеаломъ англійскій христианскій социализмъ и хотятъ пересадить его на нѣмецкую почву. Народъ пока еще относится недоувѣрчиво къ этому новому направленiю въ протестанствѣ, потому что это молодое движеніе социалистовъ—евангеликовъ еще само не выяснило себѣ точно своихъ задачъ. Оно лишь очень интересное явленіе въ протестанствѣ и разрастется-ли въ крупный фактъ—вопросъ будущаго.

Не сочувственно относится къ этой партiи и протестант-

ское духовенство, которое и устно и письменно предостерегаетъ своихъ пасомыхъ отъ увлеченія идеями этой партіи. Одинъ изъ представителей протестантства пишетъ по этому поводу: „къ одному собранію, въ которомъ образовались партіи и въ которомъ, вслѣдствіе этого, волны различныхъ воззрѣній бушевали съ такой силой, что слышавіе простого и понятнаго Евангелія стало затруднительнымъ, Ап. Павелъ писалъ (1 Коринѳ. II гл.), что онъ боится, что умы членовъ союза могутъ придти въ замѣшательство о простотѣ во Христѣ. Соціальный вопросъ настоящаго времени, который обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ большимъ числомъ газетныхъ статей, устныхъ и письменныхъ рѣчей, обвиненій и предложеній, въ которыхъ онъ распространяется, угрожаетъ намъ тою-же самою опасностью, которая угрожала собранію Коринѳскому“¹⁾. Чтобы произнести свое сужденіе о новомъ направленіи въ протестанствѣ, Poetter беретъ посланіе Ап. Павла къ Филимону и на основаніи его дѣлаетъ свои выводы объ этомъ новомъ движеніи. Разбирая случай съ Онисимомъ, этотъ представитель протестантства говоритъ, что современные представители соціальнаго христіанства, быть можетъ, воспользуются имъ какъ желаннымъ поводомъ, чтобы во всякаго рода предложеніяхъ, открытыхъ дебатахъ и резолюціяхъ побуждать государство къ переменѣ существующаго порядка. Но у Апостола, какъ и вообще во всемъ Новомъ Завѣтѣ, мы не найдемъ домогательства, чтобы какъ нибудь прямо дѣйствовать на политическія и соціальныя отношенія ихъ времени. Весьма важно въ этомъ отношеніи то высокое божественное величіе, съ какимъ Спаситель проходитъ мимо политическихъ порядковъ, даже болѣе, — мимо безпорядковъ того времени, та святая рѣшимость, съ какою онъ отклоняетъ всякую попытку вовлечь Его въ эти порядки и замѣшать въ вопросы. „Мое царство не отъ міра сего“ — это слово обозначаетъ всю соціально-политическую программу Иисуса. Также поступаютъ и послѣдователи Иисуса. У нихъ было слишкомъ мало времени для того, чтобы употреблять его на игру съ переменой формъ; они видѣли въ этой переменѣ лишь исполненіе правды Божіей, и не хотѣли связывать

¹⁾ Onesimus. Ein biblisch—socialer Vortrag nebst einigen nachträglichen Zusätzen von D. Poetter, Generalsuperintendent. S. 3. Gütersloh. 1896.

себя съ этой перемѣной. Указаніе соціально-христіанской партіи на мѣста Св. Писанія, гдѣ будто-бы Иисусъ Христосъ является „мужемъ народа“ и „другомъ народа“ въ смыслѣ соціально-христіанской партіи (Мо. XXII, 15—22; XXIII, 14; Лк. XII, 13—14; Иоан. XVIII, 36 и Іак. V, 4—6), предтчей и соработникомъ для собственныхъ идей христіанскаго соціализма, есть не болѣе какъ новый раціонализмъ, превращающій цѣль и дѣйствіе христіанства въ психическія возбужденія и движенія, и оно будетъ осмѣяно также, какъ осмѣяны раціонализмъ. Нельзя отрицать огромнаго вліянія христіанства на общественную жизнь, но нельзя не признавать и того, что Господь и Апостолы съ возвѣщеніемъ спасенія не имѣли иной цѣли, кромѣ какъ бѣдныхъ грѣшниковъ сдѣлать дѣтьми Божиими. Это была ихъ единственная цѣль. И въ настоящее время, кто сознаетъ себя служителемъ Св. Духа, тотъ можетъ обойтись безъ услугъ современныхъ благодѣтелей народа. Изъ тѣхъ сѣтованій, которыя они поднимаютъ о соціальныхъ вопросахъ, звучитъ часто одинъ эгоистическій интересъ, а не христіанская свобода любви. Христіанство весьма терпимо, но оно не терпитъ примѣненія средствъ и путей, которые чужды христіанской совѣсти. Этимъ и только этимъ христіанская проповѣдь ограничиваетъ свои задачи, если она должна гдѣ-либо и когда-либо принять соціальную окраску. Все различіе между христіанскою проповѣдью и соціально-христіанскою, отсюда, заключается въ томъ, что послѣдняя имѣетъ въ виду лишь временныя блага, свою основу полагаетъ лишь въ одномъ разумѣ, а первая считаетъ краеугольнымъ основаніемъ одного Христа и заботится о вѣчномъ благѣ людей. Поэтому, при сравненіи ихъ, можно лишь сказать, если „политическая пѣсня—гадкая пѣсня“, то это вполне примѣнимо и къ этой: „политически-соціальная проповѣдь—гадкая проповѣдь“ ⁴⁾. Одна капля христіанскаго состраданія въ сердцѣ дѣйствуетъ лучше, чѣмъ голова, полная національно-экономической премудрости. Это святая любовь—плодь проповѣди, —которая ничего не знаетъ, кромѣ Христа Распятаго. Гдѣ употребляется эта проповѣдь въ доказательство духа и силы, тамъ христіанинъ самъ собой нахо-

4) Ibid 22

дять истинное отношеніе къ социальнымъ обязанностямъ и порядкамъ. Кто чистъ предъ Богомъ, тотъ будетъ также чистъ и въ его земныхъ дѣлахъ. Безъ мира нѣтъ довольства даже и тогда, когда гражданское право и социальный порядокъ будутъ направлены по желанію социально-христіанскихъ мечтателей, а этотъ миръ заключается въ Богѣ, въ религіи, а не въ социально-христіанскихъ программахъ. Слова социально-христіанскихъ дѣятелей, что они желаютъ провести христіанскую любовь въ государственное законодательство, мало основательны. Если даже христіанская любовь и попадаетъ чрезъ терпистый путь въ законодательство, то она представляетъ столь жестокой, эгоистическій и бюрократическій видъ, что ее почти невозможно узнать. Она ощущается всего лучше, если проявляется свободно, когда она свободно усваивается христіанами въ церкви, не говоря уже о томъ, что желать утвердить любовь порядкомъ закона противно Евангелію. Нужно, прежде всего, имѣть строгое различіе между духовными и свѣтскими, церковными и политическими вещами, чтобы не сдѣлать христіанство чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Изъ всякой всячины не является ничего добраго ни въ какой области, но только смятеніе, разстройство и ссоры ¹⁾.

1) Кроме этихъ чисто религіозныхъ указаній на несовѣстимость социализма съ христіанствомъ, Rötter приводитъ еще слѣдующія соображенія въ пользу справедливости своего взгляда:

1) Трудно примирить возрѣнія Новаго Завѣта на вл. стъ (Рим. XIII) съ возрѣніемъ социально христіанской партіи: „Король самодержавенъ, если онъ исполняетъ нашу волю“, которое какъ дурная закваска проникаетъ всякую партію.

2) На добрыя качества братской, всеобъемлющей, самоотверженной любви, чрезъ принадлежность къ какой-либо партіи, налагаются оковы, которыя невозможно носить духу, сдѣлавшемуся свободнымъ во Христѣ.

3) Очевидные грѣхи и предразсудки, которые невозможны при христіанской морали, часто находятъ извиненіе и прощеніе въ рамкахъ партійной жизни. Духовный не можетъ быть тамъ, гдѣ вѣрятъ, что грѣхъ возможно сдѣлать дозволеннымъ.

4) Только тотъ духовный будетъ пользоваться довѣріемъ всей общины, можетъ воздѣйствовать на нее, который свободно, не связанный какой-либо силой или мнѣніемъ, исправляетъ свою должность.

Христіанство совершаетъ свое служеніе любви и мира и радуется участію всехъ состояній безъ различія политическихъ партій. Его друзья не на социально-политической аренѣ и оно пользуется ролью мно-

Для полноты обзора современныхъ явленій религіозной жизни въ протестантствѣ необходимо отмѣтить также стремленіе протестантскихъ церквей къ католизаціи. Въ чемъ проявляется эта католизація, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго. Основнымъ правиломъ стараго протестантизма было, что церковь, имѣющая исключительно основанія вѣры изъ Священнаго Писанія, познаніе и пониманіе которыхъ она должна сдѣлать доступнымъ всѣмъ членамъ, была убѣждена, что она сдѣлала самое существенное, если возвѣщала истинное библейское вѣроученіе. Отсюда въ старомъ протестантизмѣ и то прочное и исключительное отношеніе между богословіемъ и церковью, что ученіе вѣры въ основѣ тождественно съ богословіемъ, которое содержитъ въ себѣ тоже ученіе, что и церковь. Богословіе являлось выразителемъ церковнаго ученія въ основахъ вѣры, а все остальное предоставляло каждому находить самому. Что проповѣдуемое слово становится жизнью и силой,—но основному убѣжденію стараго протестантизма,—это есть дѣло Духа Святаго, которому должно вѣрить и на котораго должно надѣяться, а не дѣло человеческое. Отсюда и вѣра церкви должна въ совершенно одинаковомъ образѣ сдѣлаться достояніемъ каждаго отдѣльнаго лица, и никто не долженъ почерпнуть что-либо изъ иного источника, кромѣ Св. Писанія, выраженіемъ котораго служить богословіе.

Это богословіе—въ смыслѣ непогрѣшимаго библейскаго ученія—въ настоящее время отвергнуто, что представляетъ собою реакцію противъ старопротестантства, начавшуюся съ тѣхъ поръ, какъ богословіе усвоило себѣ обычныя научныя приемы и методы. Частію подъ вліяніемъ этого, частію подъ воздѣйствіемъ другихъ силъ—церковь отдѣлилась отъ богословія. Въ числѣ этихъ другихъ силъ, самой важной является „преуснѣвающая католизація (окатолизованіе) протестантскихъ церквей“. Большинство церковныхъ газетъ, къ которымъ примыкаютъ и нѣсколько политическихъ, пишутъ въ духѣ католицизма, такъ что въ нихъ

сердаго самарянина, оставляя роль священника и левита, которые, быть можетъ, обдумывали какія мѣры и планы представить намѣстнику страны для уничтоженія опасности на пути, на долю соціально-христіанской партіи съ ея заботами и попеченіями не въ духѣ христіанства, а въ духѣ національно-экономическихъ идей Ibid. S. 24—25

нельзя найти ни одного мѣста, которое-бы вполне согласовалось съ седьмымъ членомъ Аугсбургскаго исповѣданія. Напротивъ, всюду и постоянно говорится такъ, какъ будто церковь Христова есть институтъ со своимъ большинствомъ голосовъ, со своими порядками обученія, со своей обстановкой. Всѣ обѣтованія Христа перенесены на этотъ институтъ. Различія между церковью вѣры и церковью господствующей почти не дѣлается: порядки и установленія мѣстныхъ церквей, угодныя большинству, ставятся подъ защиту и авторитетъ Спасителя (*des Heiligen*). „Церковь говоритъ“, „Церковь требуетъ“—эти выраженія противопоставляются государству и всѣмъ иначе думающимъ, какъ голосъ Бога—голосу людей, хотя бы дѣло касалось лишь желаній близорукаго большинства. Постепенно усвояются протестантствомъ и всѣ слѣдствія римско-католическаго пониманія церкви: фанатизмъ, властолюбіе, нетерпимость, страсть къ преслѣдованіямъ, церковная формалистика и полиція,—это уже, такъ сказать, обнаружилось и явно проповѣдуется. Съ совершенно самостоятельной силой заявляютъ о себѣ важнѣйшія изъ послѣдствій этого видоизмѣненія, этго превращенія протестантизма. Прежде всего нужно назвать отношеніе къ символу вѣры. Въ католической церкви преданіе есть, прежде всего правовой порядокъ (*Rechtsordnung*), обязывающій къ послушанію и смиренію; все это—въ опредѣленной, непогрѣшичой формѣ. Протестантство теперь далеко ушло въ этомъ направленіи.

Духовное усвоеніе старопротестантскаго ученія въ цѣлости собственно уже ни отъ кого не требуется; церковныя газеты и лица, считающія себя ортодоксальными, дѣлаютъ грубые промахи противъ церковнаго ученія; евангельскія ученія о милости, о свободѣ, о церкви, объ оправданіи и т. д. обезображиваются—именемъ ортодоксіи—ересями и этого, повидимому, никто не замѣчаетъ. Всякому предоставляется внутренне относиться къ символу вѣры какъ угодно, но заподозривать символъ вѣры въ какомъ-нибудь пунктѣ никто не долженъ: онъ (символь вѣры) долженъ оставаться неприкосновеннымъ, основнымъ порядкомъ (*intangible Grundordnung*) церкви. Церковные споры, столь свойственные протестантству (въ увѣренности, что свѣтъ Евангелія не угаснетъ), признаются теперь церковью за непокорность,

какъ въ католичествѣ, и спорящій при случаѣ объявляется еретикомъ. — Рука объ руку съ измѣненіемъ положенія въ отношеніи къ символу вѣры идутъ попытки придать особенное значеніе богослужбнымъ порядкамъ, сдѣлать изъ нихъ пѣчто обязательное, требовать точнаго исполненія предписаннаго ритуала, притѣснять въ этомъ отношеніи совѣсть христіанъ, и такимъ образомъ нарушать одну изъ самыхъ основныхъ тенденцій реформаціи. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые зашли очень далекко и прямо утверждаютъ, что „церковь должна обладать крѣпкими порядками“ и что, когда будетъ достигнуто въ этомъ отношеніи идеаль католической церкви, тогда только протестантство сдѣлается церковью и будетъ могущественнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ духовное сословіе замѣтно выдѣлилось; о генераль-суперъ-интендантѣ уже говорятъ какъ о духовномъ пастырѣ (Oberhirt'ѣ) и охотно желали бы его видѣть въ блескѣ и достоинствѣ католическаго епископа.

Такова сущность католизаціи протестантства, по мнѣнію протестантскихъ богослововъ. Что произойдетъ изъ этого, судить трудно. Богословы, обсуждая это направленіе въ протестантствѣ, говорятъ лишь: слава Богу, есть еще силы въ нашихъ евангелическихъ церквахъ, которыя дѣйствуютъ въ противоположномъ католизаціи направленіи. Мы остаемся и при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ вѣрными своему знамени; свое наслѣдство наша церковь не потеряла; мы боремся за то, чтобы церковь наша была не земнымъ институтомъ, но церковію вѣры, свободы и терпѣнія. Мы не въ состояніи руководить ею, но мы можемъ дѣйствовать, насколько это въ нашихъ силахъ, въ противовѣсъ, такъ какъ это нашъ священный долгъ. Не будемъ забывать и того, что протестантизмъ всегда былъ въ опасностяхъ, всегда боролся; итакъ, будемъ бороться, какъ боролись наши отцы“¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Писаревскій.

1) Dr. A. Harnack. Zur gegenwärtigen Lage des Protestantismus S. 20—21 и др. Leipzig 1896.

Писаревский Н. Н. Полтора года в Берлине: (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 9. С. 290–310 (2-я пагин.). (Окончание.)

Полтора года въ Берлинѣ.

(Замѣтки о религиозной и общественной жизни).

(Окончаніе)¹⁾.

При наблюденіяхъ общественной жизни приходится отмѣтить, что изъ основныхъ чертъ народа, прежде всего, поражаютъ самыя грубыя, внѣшнія черты его. И въ нѣмцѣ какъ-то незамѣтно бросается въ глаза его грубость. Но это вовсе не говоритъ за то, что нѣмецъ грубъ по природѣ; нѣтъ, это грубость именно чисто внѣшняя, такая же, какъ общезвѣстная легкомысленность француза. Быть можетъ, это чисто внѣшнее качество нѣмца дѣлаетъ его несимпатичнымъ, неприятнымъ и жесткимъ; но пужпо все же признался, что нѣмцевъ не стараются понять, какъ слѣдуетъ. Имъ не достаеетъ представительности, не смотря на ихъ могущество, у нихъ нѣтъ истаго благородства, они, прежде всего, выскочки, а какъ-бы ни былъ добродѣтеленъ выскочка, онъ никогда не будетъ привлекательнымъ. Это, главнымъ образомъ, не располагаетъ къ нѣмцу. Онъ самъ считаетъ себя „homo germanus“, желаетъ, чтобы и другіе его считали такимъ же. Однако, при болѣе близкомъ знакомствѣ, этотъ внѣшній признакъ нѣмца ступшевывается: изъ подъ внѣш. ей грубости—часто свѣтитъ привѣтливость, готовность оказать услугу, удивительное трудолюбіе и умѣнье твердо стоять предъ самыми тяжелыми случайностями.—Для наблюденій, прежде всего, доступна внѣшняя форма жизни. Въ общемъ жизнь Берлина мало отличается отъ другихъ большихъ городовъ. Обращеніе другъ съ другомъ лишь гораздо сердечнѣе и дружественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ немъ нѣтъ

1) См. Б. В. Май.

ни щепетильной вѣжливости, ни холодности, а потому знакомства здѣсь часто завязываются съ первой случайной встрѣчи и переходятъ въ дружбу. Нѣмецъ никогда не надсмѣется надъ ломаной нѣмецкой рѣчью: онъ выслушаетъ васъ съ полнымъ вниманіемъ и отвѣтитъ насколько можно понятнѣе. Не обидится также, если вы отступите отъ принятыхъ здѣсь формъ вѣжливости: онъ понимаетъ, что трудно человѣку быстро узнать всѣ установившіяся формы, а потому онъ очень снисходителенъ. Да и вообще внѣшнія формы вѣжливости здѣсь не такъ требуются и строго соблюдаются, какъ въ другихъ городахъ. Но за то, какъ процвѣтаетъ здѣсь титулованіе! Почти никого: мужчину ли, даму ли не называютъ по имени. Не рѣдкость, что нѣсколько лицъ титулуютъ другъ друга все время „г. тайный совѣтникъ“ или „г. докторъ“, такъ—что только по взгляду можно догадаться съ кѣмъ говорятъ. Жену титулуютъ по мужу, причемъ нельзя сказать просто „госпожа“, но всегда съ прибавленіемъ прилагательнаго „милостивая“ („gnädige Frau“). Различныя положенія въ жизни здѣсь уживаются одно съ другимъ какъ нельзя лучше. То, что разсказывается о прусской военщинѣ, теперь встрѣчается очень рѣдко и то въ маленькихъ городкахъ. Конечно, типъ прусскаго лейтенанта и теперь мало симпатиченъ и безупреченъ, но онъ всеже гораздо добродушнѣе, чѣмъ его изображаютъ. Посмотрите на этого лейтенанта въ службѣ чиновника: это образецъ вѣжливости. Во всякомъ правительственномъ учрежденіи вы встрѣтите полную вѣжливость и предупредительность: васъ не заставятъ по цѣлымъ часамъ стоять и ждать лишь для того, чтобы услышать: „присутствіе закрывается“, не придержатся къ какой-нибудь неточности въ вашей бумагѣ, а если и замѣтятъ ее, то при васъ же исправятъ ее—и все это безъ всякихъ хлопотъ съ вашей стороны. Вамъ не придется при этомъ пройти цѣлый курсъ мытарствъ отъ сторожа и далѣе,—нѣтъ, здѣсь полное уваженіе къ личности. Если вамъ придется по вашему дѣлу ходить по нѣсколькимъ отдѣленіямъ извѣстнаго присутственнаго мѣста, вы не будете беспомощны, затрудняясь куда идти. Помимо надписей, разъ замѣтятъ, что вы иностранецъ, пошлютъ съ вами служителя, который будетъ указывать вамъ все до окончанія вашего дѣла. При этомъ,

будьте покойны: онъ не попроситъ чаю: дадите сами—поблагодаритъ; не дадите—не нагубитъ и не обругаетъ. Это сразу располагаетъ прїѣзжаго челоѣка къ нѣмцу и изглаживаетъ первое впечатлѣніе отъ его грубости,

Если наблюдать очень внимательно жизнь отдѣльныхъ кружковъ берлинскаго общества, то нельзя, конечно, не замѣтить, что желаніе показать себя, завязать и поддержать связи, желаніе имѣть доступъ къ вліятельнымъ особамъ, играютъ здѣсь не меншую роль, чѣмъ гдѣ-либо. Замѣтно также, что тонкая, непрерывная обоюдная лесть, есть здѣсь та же, что и у насъ. Различіе лишь въ формѣ ея: у насъ форма лести много грубѣе, отзываетъ какой-то приниженностью, низкоклонствомъ, тогда какъ здѣсь она настолько изящна, что не рѣжеть по уху, и выслушивается и возвращается въ самой деликатной формѣ. Она звенитъ во всѣхъ углахъ комнатъ между присутствующими, но звонъ ея прїятный, вѣжливый, не дающій повода возвышаться одному предъ другимъ. Иногда возникнетъ споръ, кто-нибудь сдѣластъ въ немъ безтактность; но это не нарушитъ общаго порядка. Одно учтливое замѣчаніе—и виновный самъ быстро умѣритъ свой пылъ. Это показываетъ лишь, что здѣсь еще нѣтъ той свѣтской выдержанности, при которой всѣ люди вмѣстѣ съ принятой формой одежды составляютъ одно безцвѣтное цѣлое. Что придаетъ здѣшнему обществу особый интересъ для челоѣка чужестранца, это необыкновенное разнообразіе и обиліе матеріала для разговора. Оно происходитъ отъ различія въ образованіи и возрѣвнїи на жизнь собесѣдниковъ Берлинское общество состоитъ лишь изъ малой части коренныхъ берлинцевъ. Притягательная сила Берлина такъ велика, что все, что стремится болѣе или менѣе впередъ, поселяется здѣсь. Отсюда громадное разнообразіе типовъ, среди которыхъ коренной житель Берлина представляетъ самый интереснѣйшій. Критическое отношеніе ко всему, смѣлое до дерзости, остроумное въ выраженіи, придаетъ его рѣчамъ манеру разсудочности, рѣзко приправленной солью остроты. Но все это не мѣшаетъ ему приближаться къ общечеловѣческому тону, то съ бодрымъ, пропитательнымъ духомъ Лютера, то съ глубокой геніальной ученостью, свойственной нѣмецкой расѣ, то съ трогательнымъ добродушіемъ

юношества, неиспорченнаго грязью жизни, то съ неудержимымъ рвеніемъ на поприщѣ общечеловѣческой любви, то съ изумительной честностью и юморомъ угловатой натуры. Стоитъ побывать вечеромъ въ какомъ-нибудь „локаль“ (ресторанѣ), полномъ посѣтителями, начиная отъ двухлѣтняго ребенка и до старика, послушать разговоръ, чтобы убѣдиться въ живости, свѣжести и непринужденности темъ разговора. Здѣсь же собираются и различные „фѣрейны“. Вотъ, для примѣра, вы попали въ „фѣрейнь“ врачей: самое естественное, что вы думаете услышать разговоры о медицинѣ, ея развитіи, новыхъ методахъ; но вы глубоко ошибетесь. Ни слова о медицинѣ! Рѣчь идетъ о вопросахъ исторіи и притомъ на французскомъ языкѣ. Каждый свободно высказываетъ свой взглядъ, который критикуется прочими. „Локаль“—это универсальный домъ современной нѣмецкой жизни. Страшная дороговизна жизни заставляетъ нѣмца изыскивать способы съэкономить лишнюю марку. Онъ идетъ сюда со всей семьей, имѣетъ возможность провести весело время, поговорить о всемъ и вмѣстѣ съэкономить 50—60 пфениговъ на отопленіи. „Локаль“—это не нашъ трактиръ, куда совѣтится зайти порядочный человѣкъ; нѣтъ, сюда свободно идетъ и молодая дѣвушка и отецъ семейства безъ всякаго стыда. Здѣсь нѣтъ мѣста безобразной сценѣ пьянства, или нахальства со стороны посѣтителя: полное приличіе, живой разговоръ, масса газетъ—даютъ полную возможность за самую скромную цѣну (20—30 пф.) отдохнуть каждому послѣ тяжелаго дневнаго труда, освѣжиться среди, не имѣющаго ничего общаго съ дневными трудами, разговора, прочитать свѣжую новость, занимательную статью и выйти бодрымъ и готовымъ къ новымъ трудамъ жизни.—По этого мало, чтобы заполнить духовное содержаніе жизни. Человѣку нужно иногда болѣе существенно встряхнуть себя, доставить себѣ эстетическое удовольствіе. Все это въ Берлинѣ къ услугамъ каждаго. Масса театровъ, въ которыхъ собрано все, что есть лучшаго въ театральномъ мірѣ, масса концертовъ и концертныхъ залъ даютъ возможность каждому доставить себѣ удовольствіе. Да притомъ еще посѣтитель не рискуетъ ни своимъ карманомъ—въ видѣ тройной платы за мѣсто,—ни возможностью получить вмѣсто наслажденія лишь искусственную

поддѣлку. Игра всегда безукоризненна; а концерты могутъ удовлетворить самый прихотливый и придирчивый вкусъ. Ко всему этому нужно еще прибавить, что здѣсь царить полная простота, каждый чувствуетъ себя какъ дома и не нуждается быть парадной, наряженной куклой.

Что особенно поражаетъ, при наблюденіи проявленій жизни въ Берлинѣ это широкая постановка народнаго образованія и образованія вообще. Всѣ дѣти обязавы посѣщать школу, и если кто-либо изъ родителей забудетъ послать своего ребенка въ школу, то ему тотчасъ напомнить объ этомъ. При дальнѣйшемъ упорствѣ, родители подвергаются штрафу и понужденію чрезъ полицію посылать ребенка въ школу. Школьная жизнь здѣсь начинается очень рано: съ 6-ти лѣтъ ребенокъ обязанъ посѣщать школу. Нормальный курсъ народной школы восемь лѣтъ, т.-е. съ 6-ти лѣтъ и до 14-ти. Дѣло поставлено такъ, чтобы не обременять ребенка, привнравливаться къ его силамъ и не внушать ему страхъ предъ ученьемъ. Занятія бывають утромъ и вечеромъ, смотря по времени года. Между уроками идутъ гимнастическія занятія, и забота о физическомъ развитіи дѣтей здѣсь не менѣе, чѣмъ объ умственномъ. Школы устроены по всѣмъ правиламъ гигиены: просторныя, чистыя, свѣтлыя, съ широкими лѣстницами, чтобы дѣти не толпились при входѣ и выходѣ. Весело видѣть, какъ дѣти идутъ изъ школы довольные, бодрые, радостные; они какъ бы и не чувствуютъ трудностей школы ¹⁾. Единственное пятно на фонѣ нѣмецкой школы—это тѣлесныя наказанія, которыя практикуются и въ начальной школѣ и въ гимназіяхъ до 4-го класса включительно ²⁾. Эти наказанія не есть

1) Нужно замѣтить, что дѣти здѣсь уже съ самаго ранняго возраста обставлены такъ, что переходъ ихъ къ школѣ почти не замѣтенъ. Съ 6-ти мѣсяцевъ жизнь ребенка проходитъ почти все время на улицѣ. Лѣтомъ вы напрасно будете стараться найти хоть одного ребенка въ квартирѣ: они всѣ въ скверахъ, гдѣ устроены дѣтскія игры, которыя организованы такъ, что составляютъ подготовительную ступень къ школѣ. Зимой, особенно у бѣдныхъ, дѣти постоянно въ дѣтскихъ приютахъ (Kindergarten), гдѣ за самую ничтожную плату принимаютъ дѣтей на весь рабочій день. Нѣмецкій ребенокъ не избалованъ, онъ приученъ къ труду и порядку, а потому школьная дисциплина для него вѣдь не тяжела.

2) Счетъ классовъ въ Германіи ведется иначе, чѣмъ у насъ, т. е. идетъ

произволь преподавательскаго персонала: овѣ дозволены закономъ. Дать за проступокъ нѣсколько ударовъ палкой по рукамъ, отодрать ученика за ухо или за волосы, или надавать ему пощечинъ—здѣсь дѣло самое обыкновенное и въ претензіи за это никто не будетъ. Курсъ народной школы поставленъ такъ, что позволяетъ послѣ окончанія сдѣлаться самостоятельнымъ лицомъ, и обыкновенно вчерашній питомецъ школы—тотчасъ вступаетъ на арену жизни и добываетъ самъ себѣ средства къ ней¹⁾. — Хорошо поставлена нѣмецкая школа въ отношеніи къ физическому развитію ребенка. Ребенокъ выходитъ изъ нея совершенно здоровымъ. Здѣсь слѣдятъ за дѣтми очень строго, наблюдаютъ чисто съ нѣмецкой предусмотрительностью за ними, и разъ замѣтятъ, что кто-либо слабъ, принимаютъ всѣ мѣры, чтобы улучшить состояніе его здоровья. Съ этою цѣлью въ Берлинѣ существуетъ „общество лѣтнихъ колоній для бѣдныхъ дѣтей“, которое и заботится о больномъ ребенкѣ, отправляетъ его на минеральныя воды, или на морскія купанья²⁾. Въ прошломъ году изъ Берлина было отправлено такихъ дѣтей болѣе 5000 человекъ и всѣ они возвратились болѣе здоровыми и способными вновь приступить къ занятіямъ³⁾. Успѣхъ лѣтнихъ колоній въ этомъ отношеніи замѣчательный; но не менѣе замѣчательна и умѣлая организація ихъ. У общества есть цѣлый рядъ мѣстныхъ, участковыхъ комитетовъ, собирающихъ пожертвованія и намѣчающихъ дѣтей, нуждающихся въ лѣтнемъ отдыхѣ. Это позволяетъ обществу

сверху—внизъ, а не снизу—вверхъ. Такъ, напр., пяти 8-ой нѣмецкій 1-й; нашъ 1-й—нѣмецкій 8-ой. Также считаются и баллы: высшій 1.—худшій 5.

1) Хорошей постановкѣ учебнаго дѣла способствуетъ хорошее вознагражденіе учителямъ. Въ Берлинѣ учителя получаютъ отъ 2500 до 3500 марокъ. въ селахъ отъ 900—1620 м.— это не особенно много, но для русскаго учителя это все-же недостижимая вещь, мечта.

2) Что можетъ быть страннѣе, какъ дать ребенку, выросшему въ городѣкомъ подвалѣ возможность дышать горнымъ воздухомъ или купаться въ морѣ! Послѣ этого дѣти не узнаваемы: блѣдныя щѣки покрываются румянцемъ, глаза смотрятъ весело, угаслость и апатія исчезаютъ совершенно.

3) Многимъ колоніи приносаютъ жизнь. И какъ въ сущности не дорого спасти человека! Въ самыхъ дорогихъ мѣстахъ ребенокъ обходится обществу въ 2 марки, а на Балтійскомъ морѣ и въ Силезіи полный пансіонъ ребенка не превышаетъ 1-ой марки въ день.

не упускать изъ вида своихъ маленькихъ питомцевъ и даже въ теченіе зимы снабжать ихъ болѣе здоровой пищей, одеждой, лекарствами и, при случаѣ, подавать немедленную медицинскую помощь. Жители Берлина сочувственно относятся къ дѣятельности общества, благодаря чему его дѣятельность принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Почти 200 врачей отдаютъ свои услуги обществу безъ всякаго вознагражденія.

Очевъ симпатична дѣятельность другого общества, которое ставитъ своей задачей поддерживать интересъ къ образованію и упрочивать знанія, пріобрѣтенныя въ школахъ, именно— „Общества распространенія народнаго образованія“. Это общество всюду учреждаетъ народныя читальни и старается дать народу возможность удовлетворять свои умственные запросы. Изъ дѣятельности этого общества можно видѣть, какъ много можно сдѣлать сравнительно небольшими средствами, если эта дѣятельность въ пользу просвѣщенія народа развивается безпрепятственно и при содѣйствіи лучшихъ интеллигентныхъ силъ населенія. Достаточно сказать, что это общество имѣетъ болѣе 200 читаленъ, благодаря которымъ открытъ всякому доступъ къ своему дальнѣйшему развитію. Въ этомъ направленіи работаетъ и Берлинская дума. Она учредила при одной изъ старѣйшихъ городскихъ библиотекъ, имѣющей до 15 тысячъ томовъ книгъ, также читальню, въ которой находится болѣе 60 газетъ и журналовъ. Дума пришла уже къ твердому убѣжденію не останавливаться на этомъ, но создать цѣлый рядъ такихъ читаленъ, считая это прямымъ долгомъ богатаго и просвѣщеннаго города.—Но еще болѣе будетъ сдѣлано въ этомъ отношеніи кружкомъ Берлинскихъ профессоровъ, которые выработали „проектъ народнаго университета“ и скоро выступятъ съ лекціями для народа по естествознанію, политической экономіи, философіи, исторіи и богословію въ разныхъ частяхъ города, особенно же въ предмѣстьяхъ. Говорить о пользѣ такихъ читаленъ, библиотекъ и лекцій для народа нѣтъ нужды: это понятно само собой.

Не останавливаясь на подробностяхъ преподаванія средней германской школы, нужно сказать, что ея главное достоинство—умѣнье расположить образовательный матеріалъ такъ, чтобы онъ не подавлялъ воспитанника и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучалъ его мало-по-малу къ самостоятельности. От-

сюда, при окончаніи школы, воспитанникъ уже не колеблется въ выборѣ пути: его склонность къ той или другой сферѣ науки уже сложилась и онъ идетъ по торной дорогѣ къ намѣченной цѣли. Важно здѣсь также и то, что германская средняя школа не налагаетъ своей дисциплинарной узды на частную жизнь питомца. Въ частной жизни онъ совершенно свободенъ отъ этой дисциплины: воспитанникъ можетъ идти куда угодно, не боясь встрѣтиться съ суровымъ начальническимъ окомъ. Говорить много о пользѣ такой постановки дѣла не приходится. Само собой понятно, что живое общеніе съ жизнью вліяетъ гораздо лучше всякой дисциплины. Общество—лучшая дисциплина для молодыхъ людей, а семья—лучшая защита противъ соблазновъ. Симпатично въ средней германской школѣ еще и то, что наставники не ограничиваются въ ней только сухимъ, книжнымъ изложеніемъ предмета. Каждый изъ нихъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью свести своихъ питомцевъ въ тотъ или другой изъ Берлинскихъ музеевъ, гдѣ есть вещи, касающіяся его предмета, и наглядно показать все то, что говорилось на словахъ. Самыя письменныя упражненія воспитанниковъ соотвѣтствуютъ этому способу преподаванія и каждый учитель даетъ ту тему, съ которой воспитанникъ ознакомился и теоретически и практически.

Главная особенность высшихъ германскихъ школъ—свобода;—свобода преподаванія и свобода изученія вообще. Первая даетъ возможность профессору самому выработать программу своего предмета, ясное пониманіе предмета во всей его цѣлости и свободный выборъ метода, за который онъ несетъ всю отвѣтственность. Совершенно также свободно и студентъ избираетъ и свой предметъ, и профессора и методъ работы, за который онъ отвѣчаетъ самъ, смотря потому, насколько этотъ методъ является удовлетворительнымъ при изученіи. Повидимому, такая постановка дѣла допускаетъ произволь со стороны профессора въ выборѣ метода и трудность примѣняться къ нему, со стороны учащагося. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Первое устраняется стремленіемъ профессора улучшить свое положеніе въ профессорскомъ мірѣ, при посредствѣ научныхъ трудовъ,—какъ результатовъ избраннаго метода,—а второе тѣмъ, что самъ студентъ сдерживаетъ себя въ сво-

емъ произволѣ. Нуждаясь въ совѣтахъ профессора, студентъ чаще всего и работаетъ по методѣ профессора; а для даровитаго человѣка, съ самостоятельнымъ взглядомъ, разные пути всегда одинаково хороши, такъ какъ такой человѣкъ всегда найдетъ, что ему нужно. Послѣ четырехъ-пяти полугодій, продѣлавши всѣ работы и „прослушавши полный курсъ лекцій“, студентъ беретъ у профессора тему для полученія степени доктора той или другой отрасли знанія. Это самый важный моментъ въ жизни студента, потому что имъ опредѣляется дальнѣйшая его дѣятельность. Тема берется, по большей части, изъ отрасли того предмета, надъ которымъ работаетъ профессоръ; но студентъ не ограничивается этой областью специальности. Онъ разрабатываетъ и изслѣдуетъ свою тему детально, разсматриваетъ всѣ научныя основанія для нея, и этимъ путемъ приобретаетъ гораздо большія свѣдѣнія, чѣмъ изъ лекцій. Когда его трудъ будетъ признанъ удовлетворительнымъ, онъ готовится къ экзамену, который не особенно продолжителенъ и тщателенъ. Вообще экзамену не придается большого значенія, такъ-какъ экзамень признается далеко не совершеннымъ способомъ сужденія о познаніяхъ и способностяхъ человѣка. Главная задача экзамена — дать студенту возможность обнаружить болѣе широкія познанія, чѣмъ тѣ, которыя обнимаетъ тема его диссертациі, а потому рѣдко случается, чтобы студентъ, работа котораго признана удовлетворительною, не выдержалъ экзамена. По окончаніи курса, студентъ также сохраняетъ свободу выбора той или иной дороги. Онъ отдается всей душой той или другой спеціальной вѣтви изъ области изученной имъ науки, гдѣ уже проявляетъ свою дѣятельность, судя по способностямъ, или въ видѣ лишь спеціальнаго знатока извѣстной научной вѣтви, или же въ видѣ талантливаго ученаго, сумѣвшаго открыть новые пути, въ достиженіи намѣченной цѣли.

Къ общему стремленію германской науки идти быстрыми шагами впередъ, не остались равнодушны и женщины. Онѣ также стали домогаться доступа въ святилище науки на равныхъ правахъ съ мужчинами. Особенно рѣзко сказалось это движеніе послѣ „интернаціональнаго женскаго конгресса

въ Берлинѣ“¹⁾. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ движеніи, не лишнимъ будетъ попытаться составить характеристику нѣмецкой женщины, ея положенія и стремленій, какія обнаружены ею въ послѣднее время. Можно съ увѣренностью сказать, что лучшія качества нѣмецкой расы являются намъ въ болѣе чистомъ видѣ среди женщинъ, не особенно возвышающихся своимъ образованіемъ надъ общимъ уровнемъ народа, но въ которыхъ врожденная прямота чувствъ сохранилась въ цѣльномъ видѣ, облагороженномъ культурой. Главнѣйшая особенность ихъ мягкосердіе, доброта и расчетливость. Вся безхитростная жизнь ихъ заключается въ постоянномъ самопожертвованіи собой для мужа и дѣтей, для семьи, составляющей для нихъ все. Для нихъ не существуетъ, строго говоря, ни государства, ни страны. Ихъ доброта не имѣетъ ни характера доброты нашей простолюдинки, ни практическаго направленія англичанки, ни сердечной горячности юга; доброта нѣмки—чувство глубокое и широкое, словообильное и словоохотливое, самосозерцательное и въ извѣстномъ смыслѣ самодовольное. Чувствительность не только принадлежность чувствительно настроенной отъ природы нѣмки, она радость ея жизни. Сдержанность во внѣшнемъ проявленіи чувства—здѣсь очень рѣдка. Нѣмка мало пугаетъ возможность показаться смѣшнымъ и еще менѣе пугаетъ его излишекъ приторности въ проявленіи чувства. Смѣются здѣсь мало, но тѣмъ сильнѣе за то страсть выставлять свои чувства на показъ. Отсюда и та характерная и въ тоже время въ высшей степени національная особенность нѣмки вѣчная, суетливая заботливость и ухаживаніе за мужемъ, скорѣе тягостная для него, чѣмъ приятная. Еще до выхода замужъ, она непременно должна, по крайней мѣрѣ, три недѣли заниматься въ кухнѣ, подъ руководствомъ пожилой дамы, должна изучить весь порядокъ повареннаго искусства и разстановки кухонныхъ предметовъ. Горе молодой хозяйкѣ, если она не изучила его: она дѣлается посмѣшищемъ со стороны всѣхъ. Она должна умѣть готовить всѣ любимыя нѣмецкія кушанья и этимъ проявлять свою заботливость о мужѣ, въ

¹⁾ Der internationale Kongress für Frauenwerke und Frauenbestrebungen in Berlin 19 bis 26 September 1896. Berlin, 1897.

которомъ она видитъ еще болѣе закрѣпощенную ей бракомъ собственность, чѣмъ дѣти. Отсюда, практическіе разсчеты, взвѣшлванія и соображенія—любимый предметъ ея бесѣды и размышленій. Она настойчиво требуетъ безпрекословнаго повиновенія и строгаго отчета во всемъ. Въ ней таится богатый запасъ энергій, которую она проявляетъ въ неусыпномъ надзорѣ надъ дѣйствіями и образомъ жизни семьи и еще болѣе прислуги. Эта энергія женскаго характера въ высшей степени послѣдовательна во всѣхъ обстоятельствахъ жизни: въ ней много твердости, но много и скрытой трусости. Женщина-нѣмка трепещетъ предъ мужемъ, но правитъ домою столь твердой рукой, что прислуга еще болѣе трепещетъ предъ ней. При всемъ этомъ еще рѣзко бросается въ глаза общія всѣмъ нѣмкамъ особенность: полный недостатокъ всякаго кокетства. Эротическія наклонности какъ будто совершенно чужды ихъ характеру, и разговоръ съ ними врядъ-ли можетъ возбудить въ комъ-либо чувственные порывы. Самая красота ихъ—мертвая, холодная красота. Но это вовсе не служитъ указаніемъ на отсутствіе легкости нравовъ. Напротивъ, примѣры разшатанности нравовъ среди даже женщинъ здѣсь столь часты, что дѣти до замужества—самое естественное явленіе, и „Fräulein mit zwei Kindern“ столь общее явленіе, что его почти и не замѣчаютъ. Любопытно лишь замѣтить, что самая легкость здѣшнихъ нравовъ носятъ на себѣ тотъ-же отпечатокъ простоты и безыскусственности, который отличаетъ собой всѣмъ извѣстную солидную степенность нѣмецкаго характера вообще. Эта простота и безыскусственность доходятъ во всемъ, что касается легкости нравовъ общества, до поразительнаго, по своей грубости, цинизма. Если гдѣ-либо на свѣтѣ запретная страсть лишена самаго подобія благородства, то это здѣсь. Если гдѣ-либо порокъ чуждъ всякой прелести и обольщенія—это въ Берлинѣ. Цѣломудріе здѣсь очень условное позятіе; страсть переходитъ тотчасъ-же въ порокъ, а порокъ въ цинизмъ.

Не смотря на такія условія жизни, женскій вопросъ въ Берлинѣ за послѣднее время началъ двигаться впередъ и интеллектуальныя способности нѣмецкой женщины въ области науки и знанія значительно возрасли. По запасу знаній, берлинка стоитъ теперь выше, чѣмъ сѣверянка, срав-

нительная широта и разнообразіе ея женскаго опыта даетъ ей возможность сознательнѣе усвоить и проводить тѣ стремленія, которыя немного ранѣе такъ и оставались лишь въ области бесплодныхъ стремленій. Женщины въ Берлинѣ теперь имѣютъ высшія женскія школы, которыхъ не было ранѣе, имѣютъ право подвергаться государственному экзамену зрѣлости и даже имѣютъ доступъ въ университетъ. Первые нѣмецкія гимназистки на аттестатъ зрѣлости прошли съ блестящимъ успѣхомъ. Всѣ онѣ сдали съ отличіемъ экзамены, которымъ онѣ подвергались наравнѣ съ выпускными гимназистами, безъ малѣйшаго послабленія. Просьбы гимназистокъ о зачисленіи ихъ студентками не остались безъ послѣдствій. Имъ разрѣшено поступать слушательницами въ Берлинскій университетъ и сельско-хозяйственную Академію, правда, съ согласія ректора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Интересно, по этому поводу, привести мнѣніе профессора А. Вагнера, бывшаго (въ 1896 г.) ректора Университета, и далеко не безусловнаго сторонника женскаго движенія. Ему, какъ ректору Берлинскаго университета, приходилось ближе присматриваться къ дѣвушкамъ, которыя ищутъ доступа въ аудиторіи. Объ одной изъ нихъ, притомъ-же русской, которая была его слушательницей, онъ отозвался такъ:— „я могу засвидѣтельствовать, что эта дѣвушка талантливѣйшая, образованнѣйшая и усерднѣйшая изъ всѣхъ студентовъ, какихъ я имѣлъ въ теченіе моей продолжительной педагогической дѣятельности“. И не одинъ Вагнеръ судитъ такъ благопріятно о женскомъ высшемъ образованіи. Медики, юристы, философы и богословы приходятъ къ выводу, что культура, нравственность и семейная жизнь лишь выиграютъ отъ расширенія умственнаго кругозора женщины, что невозможно оспаривать, что женщины способны къ высшему образованію, послѣ того какъ сотни дѣвушекъ всѣхъ странъ доказали это на дѣлѣ. Профессоръ богословія Соденъ, выступая противъ противниковъ образованія женщинъ, говоритъ: „на какихъ шаткихъ началахъ, по нашему мнѣнію, зиждется семейная жизнь, если свѣтъ знанія можетъ ее разрушить! Будь это такъ, не стоило-бы защищать семью. Я однако лучшаго мнѣнія и о семьѣ, и о женщинахъ, и о мудрости Творца, раздѣлившаго человечество по полу. Обра-

зованіе только укрѣпить семью и дать памъ матерей, серьезно и всесторонне подготовленныхъ къ своему высокому призванію“. Конечно, еще вопросъ о свободномъ доступѣ германской женщины къ высшему образованію далеко не разрѣшенъ, онъ еще только представляетъ первую попытку добиться справедливости, встрѣчаетъ даже противодѣйствіе еще отъ многихъ лицъ. Такъ, не смотря на болѣе благопріятныя условія его въ настоящемъ, ректоръ Берлинскаго Университета Бруннеръ не разрѣшилъ женщинамъ въ стѣнахъ университета прочитать лекцію „о границахъ мужской и женской дѣятельности“ лишь потому, что женщины, на его взглядъ, не слѣдуетъ читать рефераты студентамъ, а профессоръ русскій Исторіи Д-ръ Шиманъ рѣзко и грубо заявилъ, что не потерпитъ въ своей аудиторіи женщины ¹⁾. Но это уже не можетъ остановить то движеніе, которое глубоко захватило жизнь германскаго народа въ настоящемъ и, въ частности, германской женщины. На конгрессѣ въ Берлинѣ это движеніе сказалось уже какъ требованіе женщинъ себѣ равной доли въ правахъ и обязанностяхъ, причемъ, не смотря на новизну женскаго движенія, здѣсь встрѣчалось уже столько талантливыхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, что онѣ слѣдили-бы честь любому мужскому собранію. Это, конечно, еще только начало борьбы, милліоны еще женъ и матерей не пробудились, но онѣ будутъ разбужены: недовольство настоящимъ, стремленіе къ лучшему будущему—мать всякаго прогресса, рычагомъ котораго служить образованіе. Среди темъ, предложенныхъ на конгрессѣ, многія затрогивали столь важныя стороны, что съ ними приходится считаться въ жизни, приходится сознаться, что женщины гораздо яснѣе сознаютъ тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ общественный организмъ. Стоило только послушать рефератъ о публичной безнрав-

1) Впрочемъ, и къ счастью женщинъ. Тотъ, кто прослушаетъ двѣ-три лекціи русской исторіи у этого остзейскаго выходца, и кто мало-мальски знакомъ съ русской исторіей, выноситъ тяжелое впечатлѣніе. Грубая ложь, намеренное искаженіе фактовъ, желаніе вызвать лишь грубыя насмѣшки назъ Россіей, безъ дѣйствительнаго знанія русской исторіи, — вотъ вся сущность его лекцій. По части подобнаго отношенія къ Россіи и православію съ нимъ можетъ поспорить лишь Германъ Дальтонъ въ своемъ сочиненіи „Der Standismus in Russland“. Gütersloh, 1896.

ственности и борьбѣ съ нею, чтобы быть благодарнымъ тѣмъ смѣлымъ женщинамъ, которыя рѣшились снять покровъ съ отвратительнаго явленія, принадлежащаго къ позорнѣйшимъ пятнамъ цивилизованнаго общества. Вотъ мысли одной изъ референтокъ: „мыслящая женщина съ ужасомъ думаетъ о томъ морѣ грязи и разврата, какой разъѣдаетъ жизнь. Она не броситъ камнемъ въ продажную женщину, ибо это ея несчастная сестра, жертва общественнаго порядка. Многія дѣвушки вынуждены продавать себя ради куска хлѣба, и въ головахъ крѣпко сидитъ предрасудокъ, что существуетъ двойная мораль: одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Въ нынѣшнемъ обществѣ въ дѣйствительности существуетъ полигамія, самая безсовѣстная, какую только знаетъ человѣчество, а мы все еще закрываемъ глаза, говоримъ о чистотѣ брака, когда 99% мужчинъ вступаютъ въ него безъ уваженія къ женской чистотѣ, съ пороками, составляющими потомъ проклетіе для потомства“. Страшная дороговизна и нужда, какъ продуктъ экономическихъ условій, толкаетъ женщину на улицу, потому что она никакъ не можетъ прожить въ Берлинѣ на 30 марокъ, а общество не только не обращаетъ на это вниманія, но даже пользуется этимъ для удовлетворенія своихъ страстей, и потомъ отвертывается, какъ фарисей, отъ падшей. И вотъ, обращаясь къ обществу, референтка спрашиваетъ: „господа! приходилось-ли вамъ голодать, были-ли у васъ ночи, когда вамъ негдѣ было приклонить голову? По референтка не отчаивается, не смотря на тяжкія условія, что скоро придетъ время, когда въ сознаніи человѣчества выростетъ новое воззрѣніе, которое не допуститъ смотрѣть на женщину какъ на куклу, а какъ на товарища, и рисуетъ стремящуюся къ свѣту и знанію, сильную и свѣдущую женщину.

Изъ массы другихъ докладовъ выдѣляется еще докладъ о положеніи женщины работницы. Этотъ докладъ съ такой правдивостью обрисовалъ положеніе этихъ труженицъ, съ такой ясностью представилъ ихъ тяжкую долю, что произвелъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, быть можетъ, въ первый разъ узнавшихъ, что существуетъ такая безвыходная нужда. Эти труженицы получаютъ лишь какъ разъ столько, чтобы имѣть въ качествѣ ежедневной пищи хлѣбъ и жидкій кофе. А между тѣмъ сотни тысячъ ихъ ежедневно

выталкиваются нуждой на рынокъ, въ фабрики и мастерскія, чтобы рано состарѣться отъ непосильнаго труда. Омѣрахъ борьбы съ этимъ явленіемъ путемъ общественной благотворительности уже и не говорилось; общее желаніе всѣхъ было—зывать къ правительству о расширеніи рабочаго законодательства, о страхованіи рабочихъ и учрежденіи женскаго инспектората для прекращенія хотя бы ужъ самой вопіющей нужды ¹⁾.—Результатомъ женскаго международнаго конгресса въ Берлинѣ было то, что теперь нѣмецкія женщины обнаруживаютъ энергичную дѣятельность почти во всѣхъ областяхъ, прамыкающихъ къ сферѣ женскаго труда и образованія. Не смотря на противодѣйствіе ректора университета, въ нынѣшнемъ году посѣщаютъ университетъ вдвое больше женщинъ, чѣмъ въ прошломъ; увеличивается число ученицъ въ женской гимназій съ древними языками, возникаютъ такія же гимназій въ провинціи, чтобы давать соотвѣтствующую подготовку къ университету. Еще замѣтнѣе сказывается это вліяніе—въ дѣятельности берлинскихъ женщинъ въ общественной жизни. Женщины добились нынѣшній годъ допущенія къ участию въ общественномъ призрѣніи и въ фабричной инспекціи въ качествѣ женщинъ инспектриссъ. Въ первомъ случаѣ, конечно, ничего не можетъ быть похвальнѣе и симпатичнѣе желанія женщинъ взять на себя обязанность члена комиссіи призрѣнія бѣдныхъ ²⁾. Для цѣлей же общественнаго призрѣнія ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ участіе интеллигентной женщины въ раздачѣ пособій и облегченіи нищеты, среди которой больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Также ничего не можетъ быть желательнѣе и въ сферѣ фабричной, гдѣ работаютъ женщины и дѣти, участія женщинъ. У ра-

¹⁾ Какъ тяжело положеніе женщинъ—работницъ въ Берлинѣ, это обнаружилось во время общей стачки этихъ женщинъ. Лучшіе нѣмецкіе писатели, познакомившись съ положеніемъ дѣла, писали: „содрогается сердце, когда вы узнаете, въ какіхъ условіяхъ живутъ десятки тысячъ дѣвушекъ, желающихъ оставаться честными, но которыхъ нужда толкаетъ на улицу“ Они зывали къ обществу, что его долгъ поддержать труженицъ, и общество отнеслось именно такъ. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, побѣда осталась на сторонѣ работницъ.

²⁾ На общественное призрѣніе бѣдныхъ, Берлинъ тратитъ ежегодно 9 милліоновъ марокъ. Ближайшими посредниками между бѣдняками и гордомъ и являются члены „Armenkommissionen“.

ботницы бываютъ нужды и жалобы, которыхъ она не сообщаетъ мужинѣ инспектору, и интеллигентная женщина, въ роли фабричнаго инспектора, можетъ сдѣлать много добра ¹⁾.

Весьма интересна здѣсь отзывчивость общества на все, что составляетъ злобу дня, открытія въ области научной или технической. Причина этому—гласность и свобода печати. Въ одномъ Берлинѣ число разныхъ печатныхъ органовъ поразительно велико, а потому всякое явленіе жизни: касается-ли оно ненормальныхъ сторонъ ея, или-же ея успѣховъ, тотчасъ находитъ свою оцѣнку въ печати. Всеобщее образованіе и популяризація знаній газетами въ слояхъ народа дѣлаютъ то, что ни одно явленіе, чѣмъ-либо замѣтное, не проходитъ, не отражаясь въ обществѣ. Чтобы оцѣнить роль прессы, достаточно привести компетентнаго свидѣтеля: Императоръ Вильгельмъ II, приглашая къ себѣ по телеграфу профессора Рентгена, выразился, что „узналъ изъ газетъ“ о замѣчательномъ открытіи и поинтересовался ближе съ нимъ ознакомиться. Милліоны людей не имѣли-бы понятія о такихъ вещахъ, если бы не было газетъ, а, при помощи ихъ, тѣ-же милліоны и съ тѣмъ-же самымъ открытіемъ были знакомы чуть не черезъ день,—и кондукторъ на конкѣ, кельнеръ—въ ресторанахъ, рабочій—въ мастерскихъ уже разсуждали о лучахъ вюрцбургскаго профессора. При всемъ этомъ, газета вполне доступна даже простому рабочему: за 45 копѣекъ онъ получаетъ ее ежедневно два раза—утромъ и вечеромъ, за 25 к. однажды. Быть можетъ, это вліяетъ на то, что здѣсь большій спросъ на газеты, чѣмъ на книги: книга здѣсь дорога: она не по карману средней руки человѣку, и онъ предпочитаетъ газету, изъ которой знакомится со всѣми отраслями жизни, а книгу

¹⁾ Не мало интересовала здѣшнее общество и конгрессъ психологовъ въ Мюнхенѣ, съ докладами котораго берлинское общество ознакомилось по обстоятельнымъ отчетамъ. Всеобщій интересъ возбуждали доклады Берлинскаго Проф. Штумфа „объ отношеніи психическихъ и физическихъ явленій души и тѣла“, Рише—„О сущности боли и значеніи страданій въ жизни человѣка“, Д-р. Оббингауза „о новомъ способѣ опредѣленія умственныхъ способностей“, проф. Линнеа „Понятіе безсознательнаго въ психологій“ и Ф. Брентано „Ученіе объ ощущеніяхъ“. Труды съезда, гдѣ помѣщены эти доклады, уже выйдутъ въ печати.

предпочитаетъ взять въ библіотекѣ, изъ которой онъ можетъ получать любую книгу за двадцатикопѣечный мѣсячный взносъ ¹⁾. Газета несетъ читателю свѣдѣнія о всемъ: о конгрессахъ, которые собираются въ Германіи такъ часто, о выдающихся научныхъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ и трудахъ, объ явленіяхъ жизни общественной и политической—и читатель всегда въ курсѣ дѣла. Поднимается-ли вопросъ о нуждахъ народа, о нуждахъ разныхъ служащихъ, о возмутительныхъ явленіяхъ въ жизни—это все достояніе общества, которое, будучи знакомо со всѣми деталями дѣла, высказываетъ свой голосъ, который находитъ откликъ въ рейхстагѣ, представляющемъ народную волю на видъ правительству. Притомъ общество нисколько не старается скрыть неблаговидныя дѣйствія правительственныхъ лицъ: оно обличаетъ ихъ въ печати, выставляетъ для общаго свѣдѣнія ихъ поступки, не придерживаясь пословицы, что „соръ изъ избы выносить не слѣдуетъ“. Этимъ путемъ правительственные органы и лица постоянно находятся въ законныхъ предѣлахъ власти и удерживаются отъ произвола. Нужно видѣть какой взрывъ негодованія вызываетъ онубликованіе неблаговидныхъ поступковъ, несогласныхъ съ культурой 19-го вѣка, чтобы судить объ отзывчивости общества на все доброе. Для примѣра можно указать на культурътрегеровъ нѣмецкихъ колоній Лейста, Велана и Петерса. Ихъ поступки были признаны за мерзость, общество, въ лицѣ своихъ депутатовъ, признало, что эти поступки несовмѣстимы съ званіемъ христіанина, что вмѣсто культуры они несутъ варварство, что они позорятъ нѣмецкое имя. Не менѣе характеризуетъ это и отношеніе общества къ процессу окружнаго комиссара въ польскомъ городкѣ Опаленицѣ, когда даже консерваторы заявили, что имъ стыдно за нѣмецкое имя, такъ позорны продѣлки мѣстной администраціи, что они глубоко убѣждены, что всякій патріотъ—публицистъ оказываетъ услугу своему отечеству, выступая противъ произвола администраціи и тре-

1) Самый способъ распространенія книгъ здѣсь иной, чѣмъ у насъ. Здѣсь въ широкомъ ходу разсрочка платежа за книгу: за 20 пфениговъ ежемѣсячной платы можно имѣть любую книгу. Это даетъ возможность самымъ бѣднымъ людямъ пріобрѣсти безъ труда ту книгу, которая ихъ интересуетъ

буя, чтобы въ человѣкѣ каждой національности уважали свободную личность. II правительство принуждено было подвергнуть наказаніямъ этихъ лицъ и смѣстить съ должностей. Но это еще не самое суровое наказаніе для нихъ, — болѣе суровое наказаніе для нихъ явилось изъ общества, которое подвергло ихъ остракизму и изгнало изъ среды порядочныхъ людей. Той-же отзывчивости общества обязанъ и новый законъ о дуэляхъ, учредившій судъ чести для офицеровъ, и разсматривающійся новый уставъ военныхъ судовъ, по образцу гражданскихъ съ полной гласностью процесса. Вообще, стремленіе здѣшняго общества выработать по возможности культурныя, сираведливыя и честныя начала жизни—довольно замѣтно. Общество стремится внести въ жизнь начала правды и свѣта и дѣятельно борется со всѣмъ, что нарушаетъ эти начала.

Весьма замѣтенъ также ростъ германской промышленности и усовершенствованій въ области техники. Если десять лѣтъ тому назадъ объ этой области высказывалось сужденіе „billig und schlecht“ (дешево и гнило), если англійскіе товары и машины считались лучшими, мастера самыми искусными, а магазины самыми шикарными, то это теперь отошло въ область преданій. Англійскій магазинъ теперь рѣдкость въ Берлинѣ, такая же рѣдкость и англійскій техникъ. Нѣмцы освободились отъ иностранной опеки и далеко превзошли своихъ опекуновъ. По изяществу выдѣлки, по прочности и усовершенствованіямъ нѣмецкія произведенія стоятъ внѣ конкуренціи съ англійскими, съ чѣмъ соглашаются и сами англичане, заказывающіе теперь даже нѣкоторыя машины у нѣмцевъ, съ чѣмъ ранѣе нѣмцы не смѣли и конкурировать. Такой ростъ нѣмецкой промышленности не случайный: онъ зависитъ отъ той постановки дѣла, какая здѣсь дана промышленнымъ отраслямъ. Фактъ этотъ находится въ связи съ замѣчательной чертою развитія химической технологии въ Германіи,—чертою, на которой зиждется въ этой странѣ высокое состояніе промышленности. На всякомъ крупномъ заводѣ въ Германіи большая часть его ученыхъ силъ, а на нѣкоторыхъ заводахъ такихъ лицъ сотня и болѣе, занята не управленіемъ завода, а изысканіями и изобрѣтеніями. Заводская лабораторія отличается отъ университетской лишь большей полнотою

и роскошью обстановки. На заводахъ часто встрѣчаются люди, которые нѣсколько лѣтъ работаютъ безъуспѣшно, но, если они считаются выдающимися по способностямъ, ихъ держатъ на заводѣ, и, вслѣдствіе этого, почти всегда достигается успѣхъ, покрывающій прежніе убытки. Чрезвычайно большое значеніе имѣеть и то, что въ Германіи владѣльцы крупныхъ мануфактуръ хорошо сознаютъ связь между практической пригодностью человѣка и теоретической, чисто научною подготовкой его. Практики безусловно вѣрятъ въ полезность чисто теоретическихъ изслѣдованій. Это пониманіе владѣльцами промышленныхъ учреждений значенія въ коммерческомъ дѣлѣ науки, располагаетъ ученыхъ содѣйствовать ихъ успѣху. Ученый всегда увѣренъ, что если ему понадобятся при изслѣдованіи такія техническія приспособленія, которыя есть только на фабрикѣ, то онъ совершенно свободно, безъ отказа, получить доступъ къ нимъ; также увѣренъ всегда и фабрикантъ, что, если ему въ отрасли его промышленности нужно произвести изслѣдованія по практическому примѣненію нѣкоторыхъ научныхъ пріемовъ, онъ всегда найдетъ поддержку въ ученомъ. Это сознаніе взаимной поддержки и общности интересовъ ставитъ нѣмецкую науку и нѣмецкую промышленность внѣ конкуренціи. При взаимныхъ услугахъ, онѣ быстро развиваются, вырабатываютъ новые пріемы, совершенствуютъ все, что служитъ къ ихъ успѣхамъ. Этотъ быстрый ростъ науки и развитія промышленности привелъ нѣмецкихъ ученыхъ, въ виду приближающагося конца 19-го столѣтія, въ мысли обзрѣть все, что дало это столѣтіе нѣмецкой націи и какъ отразилось въ ея жизни. Съ этой цѣлью будетъ издана цѣлая серія изслѣдованій подъ заглавіемъ: „Девятнадцатое столѣтіе въ исторіи развитія Германіи“. Сюда войдутъ: исторія культурнаго развитія въ связи съ соціальными стремленіями, политическая исторія 19-го вѣка, исторія германской литературы, театра, музыки, исторія развитія естественныхъ наукъ и исторія развитія техники. Въ этомъ трудѣ принимаютъ участіе выдающіеся ученые Германіи и онъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ. Все изданіе займетъ до 18-ти томовъ и будетъ украшено портретами, иллюстраціями и гравюрами.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшнемъ порядкѣ въ

БерлинѢ. Прежде всего—полиція! Какъ назвать ее: суровой ли мачихой пѣмецкой цивилизаціи или ея охранительницей? Сказать трудно; одно лишь несомнѣнно, что Пруссія и полиція неразрывно связаны другъ съ другомъ. Всякій недолго пожившій въ БерлинѢ, убѣдится въ этомъ: повсюду полиція, пѣшая и кошная. Идешь лѣтомъ среди чуднаго Тиргартена: тишина, свѣжій и пріятный воздухъ, пѣніе птицъ на деревьяхъ, масса перелетныхъ птицъ на прудахъ до лебедя включительно, изрѣдка пробѣгающіе зайцы и бѣлки: всецѣло наслаждаешься покоемъ и чувствуешь себя далекимъ отъ всего тревожнаго—и вдругъ раздается топотъ, невольно оглядываешься: пара полицейскихъ мчатся галопомъ. На всѣхъ улицахъ, гдѣ особенно сильно движеніе, видны конныя фигуры полицейскихъ—одинъ противъ друга по самой серединѢ улицы,—раздѣляющихъ движеніе экипажей и пѣшеходовъ на ѣдущихъ и идущихъ впередъ и возвращающихся. Эти неподвижныя, какъ-бы статуи командора изъ Донъ-Жуана, черныя фигуры даже не лишены эстетичности, когда они однимъ взглядомъ, однимъ выраженіемъ лица, не повертывая даже головы, призываютъ къ неизмѣнному порядку, безъ всякаго шума, безъ всякаго насилия и произвола. Эти brave люди, недостаточно вознаграждаемые, исполненные чувства долга, представляютъ изъ себя въ миниатюрѢ прусскую государственную власть. Энергично, спокойно и стойко они подвергаются на своемъ посту дождю и непогодѢ; они окружены толпой—и все же властвуютъ надъ ней своимъ авторитетомъ. Содержаніе ихъ скудно, бѣдно, но они прусскіе чиновники, а потому преисполнены этой честью и строго соблюдаютъ ее въ отравленіи своей службы. Это дѣйствуетъ очень благопріятно на народъ: онъ видитъ предъ собой не послабленія, не заигрыванія и продажность, но строгую справедливость и законность, заставляющія видѣть въ этомъ представителя прусскаго начала человѣка, честно стоящаго на стражѢ правъ каждаго. Просто изумительно видѣть, какъ дисциплинированъ этотъ прусскій стражъ общественнаго порядка! Онъ не знаетъ и не понимаетъ, что такое кулачная расправа, не знаетъ и что такое гнѣвъ: все это у него покрывается чувствомъ долга. Съ нарушителемъ порядка онъ ведетъ себя также просто и естественно, какъ и со всѣми: онъ

запишетъ лишь его адресъ, а наказаніе за проступокъ послѣдуетъ уже отъ суда. Пруссакъ-полицейскій, пруссакъ-пожарный, пруссакъ-кондукторъ — это показная сторона прусскаго величія. Стоило посмотрѣть въ пруссака-пожарнаго въ періодъ поджоговъ въ Берлинѣ (въ январѣ—февралѣ 1896 г.), чтобы сказать, что эти служаки оказываютъ чудеса гражданской доблести, проявляютъ чисто спартацкую черту прусскаго характера. У насъ эти поджоги вызвали бы панику въ населеніи, а здѣсь ничего подобнаго. Общество такъ увѣрено въ своихъ пожарныхъ, что разъ они прибыли, — а они прибываютъ не позднѣе 3—5 минутъ, — оно считаетъ себя внѣ опасности, и ни одинъ квартирантъ не подумаетъ выносить свои пожитки, не смотря на то, что пожаръ надъ его головой. Въ этомъ случаѣ, Пруссія дисциплинировала своихъ малыхъ чиновниковъ, сѣумѣла заставить ихъ властвовать въ своей роли и соединила ихъ тѣсной связью съ обществомъ — вѣрой, что они лишь защитники порядка, охранители спокойствія и безопасности общества отъ дурныхъ элементовъ.

Этимъ можно закончить наши замѣтки о жизни въ Берлинѣ. Онѣ не претендуютъ дать цѣлое и подробное описаніе германской столицы, но представляютъ лишь рядъ замѣтокъ для обрисовки разныхъ сторонъ внѣшней и внутренней жизни этого города. Эти замѣтки есть только невольныя наблюденія жизни, а потому въ нихъ нельзя найти строгой системы, но думается, что онѣ справедливы, по возможности, безпристрастны и изображаютъ то, что есть въ дѣйствительности.

Н. Цисаревскій.
